

**МБУК «Централизованная библиотечная
система городского округа город Выкса»**

Городская библиотека «Отчий край»

«Война вошла в мальчишество моё...»

**Справочно -
библиографическое пособие**

Выкса, 2020

ББК К63.372.2

В - 65

«Война вошла в мальчишество моё...»:
справочно-библиографическое пособие: [к 75-летию со дня
Великой Победы] / Городская б-ка «Отчий край»; сост. Л. Д.
Щенникова; отв. за вып. О. Н. Громова. – Выкса, 2020. - 73
с.: ил.

Настоящее издание подготовлено к 75-летию со дня
Победы в Великой Отечественной войне. Брошюра включает
сведения о детях, переживших годы войны, их
воспоминания о тех днях, о голоде, холоде, потере близких
людей. В конце каждой статьи есть библиография.
Справочное пособие снабжено алфавитным указателем, в
котором отражены фамилии детей войны, а также фамилии
тех, кто написал о них данный материал.

Издание предназначено широкому кругу читателей.

**Дети войны - и веет холодом,
Дети войны – и пахнет голодом,
Дети войны – и дыбом волосы:
На чёлках детских седые полосы...
Дети войны – боль отчаянна!
И сколько надо им минут молчания!**

Л.М. Голодовская

Дети войны... Война вошла в их биографии суровой строкой. Лишила детства. Повзрослев до поры, дети стали мужественными и милосердными. Научились ценить мир и не бояться трудностей. Они наравне с фронтовиками вправе считать себя победителями.

Сегодня дети войны – последние свидетели тех трагических лет. За ними никого нет. От нас, ныне живущих, зависит то, как мы сохраним их свидетельства. Сотрудники библиотеки «Отчий край» постоянно ведут работу в этом направлении. Не раз записывали воспоминания, сканировали фотографии людей, которые пережили военные годы. Всё это хранится в архиве нашей библиотеки. Материалы о детях войны, которые печатались и печатаются в местных СМИ, сканируем и помещаем в папку-накопитель «Дети войны».

Этими публикациями воспоминаний детей того времени мы ставим цель: чтобы потомки помнили, чтобы они знали – это не должно повториться!

Агеев Евгений Сергеевич

Двенадцатилетним мальчишкой встретил он грозный июнь 1941 года. Детство закончилось сразу, вместе с уехавшими защищать Родину односельчанами. А жил тогда Женя с родителями и младшим братом в селе Ближне-Песочное.

Хозяйство у семьи Агеевых было крепкое: держали скотину, обрабатывали надел земли. Всем, кто находился в тылу, был дан приказ: основную долю урожая сдавать для нужд фронта. На

территории сегодняшней базы отдыха «Металлург» развернули военный госпиталь. Здесь Евгений Сергеевич и начал свой трудовой путь учеником электрика. Когда он освоил навыки профессии, его назначили электриком госпиталя. Совсем ещё мальчишка, а такая ответственность - госпиталь должен бесперебойно обеспечиваться электроэнергией, так как сюда привозили тяжелораненых, им требовались срочные операции.

Много горя и человеческой боли повидал Евгений Сергеевич и знает, какой ценой досталась нашей стране Победа. Поэтому и вспоминает о тех днях неохотно, с трудом сдерживая слёзы: «Много, очень много мы тогда работали, и никто не жаловался, не оставался в стороне. А кто мы? Старики, женщины и дети. Всех сплотило одно большое горе - война». Вот так с самого детства и стал Евгений Сергеевич электриком. По окончании школы получил образование по специальности, а в процессе работы - необходимые опыт и мастерство и остался верен этому призванию на всю свою жизнь. На службе в Советской Армии в 1948-1951 годах был

электромехаником-радиом. А в 1956 году устроился на должность электромонтёра в районные электросети, где добросовестно трудился 35 лет.

Библиография

Ковали меч Победы в тылу: [Агеев Евгений Сергеевич]
// Выксунский рабочий. – 2015. - №39(29 мая).

Балдина Валентина Васильевна

"Война обрушилась на нашу страну, на советских людей неожиданно и грозно. Было мне тогда двенадцать с половиной лет. Весной 1941-го года я окончила пятый класс родной школы №8, перешла в шестой. В победном мае 45-го была на пороге десятого, выпускного класса. Четыре года трудной и героической борьбы нашего народа с фашизмом прошли через моё отрочество и юность, оставив свой глубокий, неизгладимый след.

С той поры минуло много лет. Что-то, наверное, забылось, но память сберегла главное. И вспоминать то время мне и сегодня, когда позади большая жизнь, тяжело, больно. Особенно - вспоминать о первых месяцах войны, перевернувшей всю нашу жизнь.

Тревога и страх тогда были в сердце каждого. В нашем доме главным предметом стала чёрная тарелка репродуктора, главными вопросами - «Как на фронте? Что наши?». Отвечал нам диктор Всесоюзного радио Юрий

Левитан. Он передавал сообщения «от Советского информбюро». Кажется, и сейчас слышу я любимый с тех пор его удивительный голос, то скорбный, тревожный, то спокойный и твёрдый, то светлый, радостный, ликующий. Он был всегда с нами, понимал, объединял всех, помогал держаться, вселял надежду даже в самые трагические дни.

А враг рвался к Москве, над Выксой с чужим рёвом пролетали чужие самолёты к Муромскому мосту. Metallурги и неметаллурги, молодые и не очень, уходили на фронт. Выпускники школ нашего города, моя старшая сестра и её товарищи, рыли на Оке оборонительные окопы. Юноши их класса, лучшие из лучших, требовали в военкомате отправки в действующую армию. И мы, шестиклассники, проводили на войну молодую любимую учительницу математики Елизавету Андреевну.

В Выксу прибывали эшелоны с ранеными красноармейцами. В нашей школе разместили военный госпиталь. Помню, как мы, школьники, длинной вереницей, с картами, глобусами, счетами и прочими школьными вещами шли к Запасному пруду, к школе №4. Там в двухэтажном деревянном здании учились мы всю войну.

В первые военные годы в наш город хлынули люди, бежавшие от вражеского нашествия. Выксунцы принимали их доброжелательно, с сочувствием. В одной комнате нашей двухкомнатной квартиры, с согласия мамы, поселилась семья эвакуированных из четырёх человек, в другой жили мы. Было трудно материально. Получали иждивенческие карточки на хлеб (по 300 г. в день на человека). Вспоминаю, как, выстояв длинную очередь в «шестнадцатом», радостная бежала домой с полученным на семью хлебом в сорокаградусный мороз и обморозила колени (суровой была зима 41-го - 42-го годов). Мама наша - руки у неё были золотые - шила на людей и иногда засыпала на своей машинке. Время от времени она уезжала в деревню: там ещё можно было добыть еду. Мы, двое

младших, оставались со старшей сестрой. Мама приезжала с бутылкой молока, с заработанными ею картошкой, крупой, радостная, усталая. И это были сытые и счастливые дни - праздники. Но чаще мы голодали. Самой большой мечтой моей и моих сестёр было наесться чёрного хлеба досыта. Не забыть мне лепёшки из выкопанной в заснеженном поле мёрзлой картошки - знаменитые «шлёп-на-шлёп»...

...Шести-семиклассники, мы помогали разгружать раненых из эшелонов, вчетвером взявшись за одни носилки (бойцы жалели нас, слабосильных). Волнуясь, мы навещали раненых в госпиталях (в школе №8, во Дворце им. Лепсе, в Песочном): для нас они все были героями. Девочки писали для лежачих бойцов письма их родным, ставили пьески, читали стихи. Я с удовольствием рассказывала им любимые повести Гоголя. Помню их благодарные глаза, их «спасибо».

На сцене Делового клуба ребята нашего класса выступали перед выздоравливающими бойцами с концертом художественной самодеятельности - к общему удовольствию. Пешком шли зимой в Песоченский госпиталь навестить раненых фронтовиков. Они тепло встречали нас, радовались нашему приходу. Моя школьная подруга Рита до сих пор помнит, что там нас угощали конфетами - розовыми «подушечками» - и белым хлебом. Мы собрали посылку с тёплыми носками, варежками и разными нужными мелочами, с добрыми наивными пожеланиями бойцам армии к Новому году. Мы верили своим защитникам, помогали, чем могли. И это всё была наша жизнь.

Окончив восьмилетку, несколько моих одноклассников 14-ти лет встали к станкам на заводах (Виктор Зотов, Аня Бубнова, Рита Безрукова и др.). Помню, как мы, повзрослевшие, работали на уборке урожая в деревне (название у неё интересное - Солнце). И, конечно, мы старательно учились. У нас были хорошие учителя, сильный класс. Суровое военное время само учило нас -

выносливости, мужеству, любви к родному городу, к своей стране. Это не пустые слова. Да, люди из тех военных лет патриоты. И те, кто воевал на фронтах, и те, кто стоял у станков, и те, кто тогда учился в школе (жаль только, что нас осталось так мало в пору сегодняшнего разъединения и эгоизма).

А страна наша напрягала все силы, чтобы одолеть ненавистного врага. Всё чаще приходили радостные сообщения об успехах Советской Армии, наконец - о её мощном наступлении.

И вот пришёл он, долгожданный День Победы! Не забыть мне 9-е мая 1945 года, радостных, ликующих людей на улицах моего любимого города. Все обнимаются, целуются, у многих на глазах слёзы. Помню себя в красивом новом платье, которое мама сшила мне к экзаменам в девятом классе. Солнечно, ярко, и я кружусь и громко, во всё горло пою, просто кричу от радости на лужайке недалеко от нашего дома. Признаюсь, такого пьянящего восторга, такого безграничного счастья, счастья захлёб я не испытывала больше никогда. Слов не хватает, чтобы передать эти мои чувства...

День Победы - самый большой, самый дорогой, любимый праздник моего сердца!».

Библиография

Балдина В.В. Память сердца // Выкс@.ru. – 2015. - №23(17 июня). – С. 2; Приокская глубинка: краеведческий альманах. Вып. №1(9). – Нижний Новгород : А4, 2010. - С. 83-86.

Борисов Алексей Васильевич

Он родился в 1935 году в с. Новодмитриевка. Отец работал на заводской железной дороге, и семья жила на одном из разъездов. Было у Борисовых восемь детей. Алексей - старший. Мама не работала, занималась хозяйством и воспитанием детей.

Дети войны... Судьбы разные и в то же время очень похожие. Похожими их делает раннее взросление и умение отвечать за себя, за свои поступки. Они отличаются высокой порядочностью и дисциплинированностью. Один из них - Алексей Васильевич Борисов.

В военном 1942-м году Алексей пошёл учиться в первый класс Семиловской школы. А в 1944-м семья переехала в Выксу, где он учился в школе №4, которая находилась тогда на ул. Ленина, неподалёку от Нижнего пруда. Затем его перевели в школу №8. Почти все дети в войну не только учились, но и трудились. Алексей на тележке возил обеды из заводской столовой от станции Урицкого (в настоящее время район проходной завода корпусов) до рабочего посёлка Ближне-Песочное, где на сельскохозяйственных работах были заняты заводчане.

Из-за тяжёлого материального положения рано пошёл работать, а среднее образование получил в вечерней школе. Трудовая деятельность началась на заводе дробильно-размольного оборудования, сначала учеником слесаря, потом - слесарем, нормировщиком. Трудолюбивый, дисциплинированный, активный в труде и в общественной жизни, он рано заслужил уважение товарищей по работе.

Армия - особая страница в его биографии. Окончил школу воздушных стрелков-радистов в г. Канске Красноярского края. Служил под Новосибирском бортрадистом. Имеет более 500 лётных часов. Многократно поощрялся командованием части. Памятным событием считает приглашение его от воинской части на областной комсомольский бал в 1957 году в г. Новосибирск, посвящённый 40-летию ВЛКСМ, а самой дорогой наградой - фотографирование у развёрнутого знамени части за отличные показатели в боевой и политической подготовке.

После службы вновь возвратился на завод ДРО в 1958 году. Работал слесарем, мастером сварочного участка в цехе №3. В декабре 1963 года его пригласили на работу в городской комитет КПСС инструктором. Во время работы в горкоме закончил металлургический техникум, а затем заочное отделение Горьковской высшей партийной школы при ЦК КПСС. В 1974 году на сессии городского Совета народных депутатов его избрали секретарём исполкома.

С 1979-го по 1990-й год - заведующий общим отделом горкома КПСС. Когда Советы депутатов в нашей стране захотели работать по-новому, но не знали как, Алексей Васильевич согласился занять должность управляющего делами исполкома городского Совета народных депутатов, а впоследствии - администрации города, района. В годы полной неразберихи с делопроизводством, документооборотом Выксунская администрация, благодаря пунктуальности и аккуратности Алексея Васильевича, была примером для других районов.

Библиография

Человек на своём месте // Выксунский рабочий. – 2015. - №22(27 марта). – С. 13.

Бурмистрова Лилия Ильинична

«Проснулись от гула самолётов... Страшное утро 22 июня 1941 года.

Хотя мне было всего четыре года, в память оно врезалось на всю жизнь. Проснулись от страшного гула. Мы не понимали, что это. Мама схватила нас с сестрёнкой, и мы выбежали на улицу. Низко над головами со страшным рёвом летели самолёты. Где-то грохотали взрывы. Страх был невероятный. Мы бежали со

всеми людьми на вокзал, потому что кто-то сказал, что там в специальный состав грузятся мужчины для отправки на фронт. Там же должен быть и наш папа. Бежали долго, прятались от бомбёжки в подъездах домов. Когда прибежали на вокзал, поезд уже тронулся. Помню вагоны, заполненные людьми. Изо всех окон нам махали и кричали что-то мужчины. Папу мы не смогли разглядеть в этой сплошной массе лиц.

Домой идти было бессмысленно: в город въезжали немецкие танки и мотоциклы. Горели дома. В небе ревели самолёты. Всё смешалось в один страшный гул и рёв, заглушающий людские крики, стенания. Мы с сестрёнкой Тосей, ей было всего три года, крепко держались за мамин подол. Было страшно так, что мы не могли даже плакать. Просто бежали и бежали. Потом, правда, появились лошади с повозками, на которые посадили детей. Но мама всё равно шла рядом и держала нас рукой, а мы с сестрой как клещами вцепились в неё.

Дошли до какой-то деревни. В хате, куда нас разместили, было так тесно, что и ступить было некуда. В этой деревне у

нас родился братик Миша. Он был для нас маленькой радостью. Детство есть детство, и мы с ребятами целыми днями бегали по улице.

Но вскоре и нашу деревню заняли немцы. Ужас внушали немецкие овчарки. Мы боялись их панически. Страх остался на всю жизнь. Я до сих пор боюсь собак.

● Лилия (справа) и соседские дети Наля и Бори.
1946 год

Всех женщин фашисты сгоняли на рытьё противотанковых рвов и на другие работы. Вслед за немцами с овчарками в деревню пришли каратели. Они сожгли большую часть домов. Приближалась осень, и наши мамы начали рыть землянки, в которых мы и стали жить. И нам там даже нравилось. На полу была солома, в которой можно было валяться. Когда вылезали из землянок, то боялись всего: фашистов, ревущих мотоциклов, собак. Немцы почему-то среди детей выделяли меня, часто подзывали к себе, гладили по головке и угощали конфетами, чем-то вроде нашей аскорбинки. А я делилась ими с другими детьми. И поэтому всегда, когда мы оказывались около немцев, дети говорили мне: «Лилия, беги!», чтобы они нам дали хоть немного сладкого.

Все семьи, у которых отцы воевали, подлежали уничтожению. И наша должна была быть в этом списке. Помню тёплый день, мы сидим на улице. На руках у мамы маленький Миша. Подошли немцы и полицай. Он направил маме в лоб пистолет и потребовал паспорт. Она подала паспорт, а там другая фамилия. Маминой фамилии в списках не было, только папина. Нас спасло то, что до войны родители не успели расписаться.

Среди детей я была самая худющая. Мне никогда не хотелось есть. Это осталось у меня на всю жизнь. Наверно,

благодаря этому и выжила. А вот маленький Мишенька не смог. Ему было всего три годика, когда он сильно заболел. Я носила его на руках. Однажды вечером он показал ручкой на кладбище и сказал: «Пиду туды». И в эту ночь умер.

За околицей был большой заброшенный сарай, который однажды тихим весенним днём озарился пламенем и горел долго-долго. И долго стоял страшный запах. Как потом нам рассказывала мама, в этот сарай свезли всех больных и немощных жителей, свалили, забили двери досками и сожгли заживо. Так немцы избавлялись от больных, оставляя только тех, кого можно использовать как рабочую силу.

Белоруссию освободили 3 июля 1944 года. Три года мы жили «под немцем». И наступил тот долгожданный день, когда в деревню вошли советские войска, танки. Мы бежали им навстречу, плакали и радовались, солдаты подбрасывали нас вверх, мальчишек сажали на танки, угощали всякими вкусностями. Про папу мы ничего не знали, да и знать не могли. В этой глухой белорусской деревне мы были оторваны от всего мира. Решили ехать на Украину, где жила мамина родная сестра. Уже наступили холода, был ноябрь. Всей деревней собирали для нас какие-то вещи, которые мы могли бы обменять в дороге на продукты. Ехали на открытых платформах, затем в товарных вагонах, где стояли длинные нары. Мы лежали на голых досках. И помнится мне, что эта дорога была бесконечной.

Город лежал в руинах. Под Киевом, в деревне Молчановке жила мамина сестра. Приехали к ней - украинская хата, пол земляной, устланный сеном, чтобы не так холодно было ногам. Такое жильё показалось нам просто раем после того холода, который мы перенесли в той длинной поездке. В дороге сильно простудилась сестра Гося, заболела и умерла. Мы с мамой остались одни. Дочерей маминой сестры угнали в Германию, им было 14 и 16 лет, а вернулись они только в

1946 году.

Мне особенно трудно было на Украине общаться с людьми, совсем не понимала, о чём они говорят. А они не понимали меня. Я ни с кем не дружила. Меня направили в первый класс украинской школы.

Весной 1946 года папа вернулся. Он с боями дошёл до Берлина. Побыл недельку и вновь отправился служить в ту часть, с которой прошёл всю войну. Но через год мы уехали за ним в Закарпатье. Я была поражена и восхищена прекрасным европейским городом Ужгородом. Там было всё красиво: и дома, и улицы с фруктовыми деревьями. Закарпатье немцы не бомбили. Оно было то под венграми, то под чехами, то под немцами и румынами. Коренные жители убежали из города, дома стояли пустые, мы могли поселиться в любом. Из Ужгорода переехали в Хуст. Здесь родилась в 1947 году сестра Зоя. Этим именем её назвали по моей просьбе, потому что я восхищалась подвигом Зои Космодемьянской. И сестра моя выросла таким же стойким человеком.

Я закончила семь классов, культурно-просветительный техникум. Работала библиотекарем в сельской библиотеке. Встретила очаровательного молодого парня, лейтенанта сапёрного батальона. Через два года мы поженились. Но в Венгрии начались военные действия, и весь сапёрный батальон перевели туда. Потом жёнам разрешили приехать к мужьям, и мы прожили там три года. Там родились дочь и сын - самое большое наше богатство. Нам пришлось сменить много мест, куда назначали мужа, пока добрались до Выксы. Сюда Николая назначили военным комиссаром Выксунского военкомата. Ровно 20 лет прожили мы в дружбе, согласии и любви. Жизнь Николая Васильевича оборвалась в 1977 году. Так судьба определила нам постоянное место жительства – Выксу».

Библиография

Дети войны: [воспоминания Л.И. Бурмистровой записаны вед. библиографом б-ки «Отчий край» Л.Д. Щенниковой]. – Выкса, 2015. – 2 печатных листа; **Липатова Е.И.** Нам смерть в глаза глядела: вспоминает Лилия Бурмистрова // *Выксунский рабочий*. – 2017. - №45(17 нояб.). – С. 11; **Снегирева Н.** И что положено кому // *Выксунский рабочий*. – 2007. - №106(21 сент.). – С. 2.

Денисов Виктор Васильевич

Виктор Денисов родился в Шиморском.

«Первый день войны... У каждой войны есть не только день победы, но и день её начала. Время, естественно, стирает из памяти многие события. Но 22 июня 1941 года врезалось в мою детскую память на всю жизнь, хотя мне было тогда 6 лет 4 месяца и 13 дней. И так, 22 июня 1941 года. Воскресенье. Тёплый солнечный день. (Я ходил в детский сад, который, кстати, работал всю войну). Многие взрослые жители нашего посёлка с утра отправлялись на строительство дороги между Шиморским и Грязной. Трудилась там и моя мама, Надежда Ивановна Денисова, мать троих сыновей. Отец, Василий Егорович Денисов, был в тот день на работе, несмотря на воскресенье. Он тогда был вторым секретарём райкома партии.

Я с ребятами гулял на улице. В середине дня сельчане стали возвращаться с воскресника. Приехала на грузовой заводской машине и мама. Люди были взволнованные, возбуждённые,

даже напуганные. Всюду слышалось «война», «немцы напали на нас». В моём детском сознании война была игрой. Но женщины плакали, и потому стало как-то тревожно, страшно.

Плакали, потому что знали, что мужья, мужчины, старшие сыновья уйдут на фронт... В это тревожное время соседям хотелось быть вместе, общаться друг с другом. Многие приходили посидеть на крыльце нашего дома, поговорить, успокоиться.

В сентябре 1941 года отец добровольно ушёл на фронт. Вернулся только в 1947-м. Служил на Балтийском флоте. Принимал участие в защите Ленинграда, Кронштадта, острова Лавенсари.

После его ухода на фронт все тяготы семейной жизни легли на плечи мамы. Её помощниками стали старший сын Василий, ему в ту пору было 13 лет, средний Иван, 9 лет, мне было 6 лет. Для нас началась взрослая жизнь, каждый имел свои обязанности по дому. Братья учились в школе, в летние каникулы работали в колхозе с. Григорово Меленковского района (за рекой). Василий выполнял обязанности звеньёвого - грамотный был парень, а мужиков в деревне почти не было, да ещё умевших писать и читать. Зарабатывал трудодни (как говорили в народе, палочки), на которые что-то, но давали. Мама в годы войны работала в хранилище ОРСа (отдел рабочего снабжения), получая вместо денег обед в столовой, который приносила домой. Это было тогда дороже денег.

В военное время ввели продовольственные карточки. Особенно я запомнил карточки на хлеб, которые выдавались ежемесячно на каждого члена семьи. Хлеб давали по норме - рабочим, служащим, детям, инвалидам. У нас в семье было четыре карточки: три детские, одна - иждивенец. Потерять хлебную карточку - это настоящая трагедия. Целый месяц без куска хлеба! И случаи такие были. Мой брат Иван однажды нашёл в сугробе хлебную карточку. Её потеряла тётя Вера из соседнего дома. Заливаясь слезами, поделилась несчастьем.

Узнав об этом, Иван пришёл к ней и отдал карточку. В ответ слова благодарности, слёзы радости.

Мы, дети войны, испытывали постоянный голод, есть хотелось всегда. Пища была скудная, ели картофельные очистки, различные травы, шелуху от проса и т. д.

Заветная мечта - наестся хлеба. Об этом мечтали дети тогдашнего времени. Наше детство было босоногое. Начиная с весны и до осени мы ходили босиком. И мальчишки, и девчонки. Обувь надевали только в школу. Не хватало и одежды, всё перешивалось по нескольку раз, донашивалось (что было) после старших. Заплат мы не стеснялись, лишь бы тела не было видно.

Но мы ведь были дети. Нам хотелось поиграть, повеселиться. Любимая игра - футбол. Только гоняли не кожаный мяч, а тряпочный. Играли в круговую лапту, в беговую вместе со взрослыми ребятами и девочками. Игры придумывали сами, за ручку нас не водили, не развлекали. Полная самостоятельность в этом плане. Вместе с бойцами смотрели в клубе (он работал и в войну) кинобоевики (были такие тогда из нескольких частей), иногда художественные фильмы.

Дяди-солдаты были для нас как боги. Зимой 1941 года в Шиморское стали прибывать военные на санях, они были в тёплых белых полушубках, на ногах – валенки. Эти детали мне почему-то особенно запомнились. Солдаты заняли в посёлке все большие двухэтажные дома: клуб (здесь был штаб), школу (её перевели в другое здание), санаторий (он был оборудован под госпиталь), два здания рядом с нынешней поселковой администрацией. Кроме того, они вырыли несколько больших землянок для жилья. Построили конюшню в лесу, потом там находились ОРСовские склады.

Военные здесь проходили подготовку и отправлялись на фронт. На их место прибывали другие. И так было в течение всей войны. Мы, мелюзга, так и вертелись около них. Знали все воинские звания от солдата до генерала (был и генерал,

приезжал откуда-то), разбирались во всех воинских знаках отличия, запоминали солдатские (военные) строевые песни о «пехотинце, смелом соколе, отважном танкисте».

Мы гоняли солдатских лошадей на речку на водопой, устраивали им «баню», летними тёплыми вечерами сидели с военными у костра, ели печёную картошку, слушали их рассказы. Это было хорошее, доброе общение дядей-солдат и детей войны.

Надо полагать, что, общаясь с нами, они вспоминали своих детей, оставленных дома.

Учились трудностям вопреки. В сентябре 1943-го я пошёл в первый класс. Моей первой учительницей была Капитолина Дмитриевна Татарских. Она в памяти моей и моих одноклассников осталась на всю жизнь. Добрая, чуткая, сострадательная, она относилась к нам по-матерински. Мы её любили и уважали, старались хорошо учиться, дисциплина на уроках была отменная. Да как же иначе! Учились в трудных условиях: не было учебников (2-3 на весь класс), тетрадей и других школьных принадлежностей. На уроках писали на специальных чёрных дощечках жёлтым грифелем (аспидная доска), для письма годились различные куски бумаги. Но мы учились, стремились получить знания.

В 1947 году я получил первый документ об образовании - свидетельство об окончании 4 класса. Тогда 4 класса было обязательным образованием. За хорошую учёбу мне подарили тоненькую книжечку рассказов Л.Н. Толстого, где был рассказ «Акула». Я его перечитывал несколько раз. Книги в то время были редкостью.

Кстати, в том же году (1947) были отменены карточки на хлеб. Его можно было купить свободно, но надо было постоять и потолкаться в многометровой очереди. Её занимали с ночи, номер очереди писали чернильным карандашом на ладони.

День Победы. Наконец он наступил. Весь советский народ

радовался и ликовал. Мне тогда было 10 лет и ровно 3 месяца. 9 мая 1945 года, как только начало работать радио, в 6 часов утра, Юрий Левитан торжественным и радостным голосом сообщил о победе над фашистской Германией.

Мы, вся наша семья, уже не спали в это утро. Все соседи высыпали на улицу, слёзы радости, слёзы горя у тех, у кого родные погибли на войне. На улице холодно, дождливо, ветрено. На душе — ликование».

Библиография

Липатова Е. И. Детям, пережившим ту войну, поклониться нужно до земли!: [Виктор Денисов: «Беда вошла в мальчишество моё»] // Выксунский рабочий. – 2018. - №11(23 марта). – С. 12.

Дренин Виктор Михайлович

«Я родился в 1928 году в Выксе, и всё детство проходило на улице Амбулаторная, где ныне находится школа №11. Мой отец — Михаил Иванович — практически всю трудовую жизнь проработал в марте-новском цехе ВМЗ. Мама — Анна Яковлевна — вышла за него замуж в 17 лет и в дальнейшем посвятила себя домашнему хозяйству и воспитанию детей, которых у неё было четверо. Я — самый старший.

В наше время жилые дома на Амбулаторной почти

полностью снесены после постройки детсадов, и всё, что у меня осталось на память о тех беззаботных детских годах — это воспоминания. Помню, на нашей улице была большая поляна, и там мы постоянно играли в лапту, волейбол, чижик. Ну и, конечно, в футбол, куда ж без него. Причём зачастую играли тряпичным мячом — брали футбольную «кобуру» и плотно набивали её небольшими лоскутками ткани. Иногда к нам приходили соседские ребята с настоящим футбольным мячом, и тогда мы делились на команды — «улица на улицу». Играть нас учил Николай Вилков, футболист взрослой выксунской команды. Он нам показывал различные приёмы, рассказывал о тактике. Мы, дети, очень его любили. К сожалению, Коля погиб на войне...

Учился я в городской начальной школе №7. Это было одноэтажное деревянное здание, позже на его месте возвели нынешнюю школу №11. Помню, как в 1936 году пионервожатый получил со стадиона лыжи для нашего класса и мы, ребятня, с лозунгами на лентах прошли от крыльца родной школы до техникума, оповещая этим «лыжным маршем» о выборах нашего первого депутата по фамилии Комаров. Для нас, детей, это был очень ответственный и запоминающийся момент.

С четвёртого класса я стал посещать авиамodelьный кружок во Дворце культуры им. Лепсе. Тогда, знаете ли, вся молодежь бредила небом. Авиамоделирование меня всерьёз захватило, безумно нравилось создавать планеры своими руками. В 12 лет я перешёл в кружок фотографии, однако занимался в нём недолго — спустя год, в 1941-м, мы проводили нашего руководителя на фронт. С началом войны детские кружки в ДК перестали существовать, а само здание переоборудовали под временный госпиталь...

Ещё одно яркое воспоминание: с фронта привозили на переплавку изуродованную в боях технику. Заводские склады были перегружены, и весь этот военный лом позже оставляли у пруда. Кучами лежало и оружие — сабли, винтовки, даже

разобранные пулемёты. Этот склад плохо охранялся, и немудрено, что многие мои сверстники оттуда притаскивали опасные находки. Ребята находили мины, снаряды или диски с патронами в разбитых танках. В таких случаях от разгильдяйства до беды — один шаг. Был случай, когда в день премьеры какого-то спектакля мы готовили сцену и зал, как вдруг раздался сильный взрыв перед клубом. Оказывается, мальчишки, играя, бросали мину, и она взорвалась. В момент взрыва рядом проходил офицер, который позже скончался от ран. Пострадали и двое моих сверстников, другие случайные прохожие. Всех тяжелораненых на носилках заносили в госпиталь. Тем не менее, спектакль состоялся, но после премьеры мы шли домой с болью в душе...

Но, конечно, одно из самых главных воспоминаний о войне — это вечный голод. Говорят, что человек привыкает ко всему, но голодный желудок постоянно напоминал о себе. Есть хотелось всё время. Старший киномеханик нас часто посылал с солдатским котелком за супом. На госпитальной кухне работала поваром душевная женщина по фамилии Бринчугина. Ребятишек она очень любила и жалела, поэтому с её помощью иногда нам удавалось немного подкрепиться. Вот так все жили и работали. Впроголодь, стиснув зубы, но победили врага. После Победы помещение Дворца культуры освободили, и мы снова вернулись туда для работы...

Библиография

- Макаров Д. Преданный сын города // Выксунский металлург. — 2015. - №14(17 апр.). — С. 8; Пчелян И. Свидетельствую: так мы и жили // Выксунский металлург. — 2008. - №19(18 мая). — С. 7.***

Затолокина Ольга Павловна

Война застала её 10-летним ребёнком и заставила повзрослеть. В семье Затолокиных было шестеро детей. Жили на Димаре. «Было голодно, тяжело и страшно, - вспоминает Ольга Павловна. - Ходили в лаптях, мотыжили колхозную землю.

Прямо из школы после уроков с вёдрами отправлялись в поле за турнепсом, выбирали его из мёрзлой земли. А ели-то что?

Лебеду, в тесто подмешивали липовые листья, картошка за лакомство была».

Послевоенные годы тоже были тяжелы. Окончив семь классов, Ольга пошла работать, чтобы помогать маме кормить семью. О дальнейшей учёбе девушка не могла и мечтать. Однажды судьба свела её с человеком, с которым они создали семью и прожили душа в душу 48 лет, вырастили замечательных сына и дочь. Муж Ольги Павловны, Николай Иванович, - участник войны. На его долю выпало много испытаний. В 1937 году расстреляли отца Николая Ивановича. Это легло чёрным пятном на всю семью. Жили очень бедно. Матери нечем было кормить обездоленных шестерых детей, не во что одевать. Когда началась война, Николай Иванович пошёл добровольцем на фронт. Направили в противотанковое училище, которое успешно окончил, и - в бой... В 1943 году его тяжело ранило, в результате потерял левый глаз, над бровью здорового глаза и в ноге остались осколки. К строевой стал непригоден, но до

1946 года работал в военном госпитале.

Вернулся в родные края, и наконец-то ему улыбнулась удача — познакомился с замечательной, скромной девушкой Олей. Они стали не только семейной парой, но и трудились в одной организации - районных электросетях. Ольга Павловна занималась оформлением технической документации, в 1988 году ушла на заслуженный отдых, Николай Иванович много лет проработал мастером Выксунского РЭС.

Библиография

Ковали меч Победы в тылу: [Затолокина Ольга Павловна] // Выксунский рабочий. – 2015. - №39(29 мая).

Колтеленкова Ираида Ивановна

Она коренная выксунка, семья жила в Антоповке. Ида окончила начальную школу, когда началась война. В пятом классе девочка училась в деревянной школе на Нижнем заводе. С первых дней нового учебного года детей позвали работать в народный суд - надо было разносить повестки. Этим занималась два года. А ещё ребята вместе со взрослыми рыли окопы на бугре возле школы

№4. Ираида Ивановна до сих пор помнит, как на улицу Ленина привозили раненых в окровавленных одеждах, и она с другими девчонками стирала эту одежду в речке,

используя глину вместо мыла. Тёплых вещей и еды для раненых не хватало, поэтому учителя отправляли детей ходить по домам и просить для искалеченных солдат шапки, варежки, носки, также нужны были нитки, иголки и т.д.

Трудилась Ида и в овощехранилище - они с подружкой Тосей Куницыной, которая была младше на четыре года, из гнилой картошки выбирали «едовую». Её готовили для солдат, девчонки очень старались - за день по восемь двуручных корзин годной картошки набирали. А после войны они с Тосей работали в стройконторе. С той тяжёлой военной поры они пронесли свою дружбу через всю жизнь. Ираида Ивановна стала многодетной матерью - родила и воспитала четырёх дочерей, сделала всё, что могла, чтобы дочки получили хорошее образование. В 1974 году она устроилась на работу в Выксунский РЭС уборщицей и трудилась здесь до 1988 года. В коллективе эту добрую, отзывчивую и очень трудолюбивую женщину все уважали. А она по сей день вспоминает с благодарностью, как при выходе на пенсию в 1985 году ей вручили путёвку в Крым. Это было и неожиданно, и очень приятно, что в коллективе её скромный труд так ценят.

Библиография

Некрасова Н. Ираида Ивановна Колтеленкова // Выксунский рабочий. – 2015. - №39(29 мая). – С. 7.

Колянова Наталья Ивановна

Она родилась в 1931 году, в их семье было четверо детей. Мама в военную пору трудилась в подсобном хозяйстве. Дети работников вместе со взрослыми привлекались к земляным работам. После уроков ребята бежали на прополку, понимали, что тоже помогают фронту. Жили впроголодь, однако ни одного овоща из подсобного хозяйства ребятам не перепало, весь урожай отправляли на фронт. «А так хотелось попробовать хоть один огурчик, выращенный собственными руками!» - вспоминает Наталья Ивановна. В 1945 году она, будучи ученицей шестого класса, уже трудилась на Выксунском металлургическом заводе учеником электромонтёра. А с 1963 по 1997 год её трудовой путь был связан с Выксунским РЭС, где она 34 года проработала обмотчицей, ремонтировала силовые трансформаторы. Это нелёгкая и далеко не женская профессия, но Наталья Ивановна освоила все её тонкости. За свой добросовестный труд имеет немало наград, в том числе орден «Знак Почёта», медаль «Ветеран труда».

Подобных воспоминаний о тяжёлом военном детстве наших отцов и матерей можно услышать тысячи. Трудно переоценить всю важность их вклада в общую победу, сложно представить тяжесть пережитых ими испытаний. Всё уходит в историю - страдания людей, разруха, голод в военные и послевоенные годы. К счастью, нынешнее молодое поколение ещё имеет возможность прикоснуться к событиям Великой Отечественной с помощью воспоминаний живых свидетелей того времени. Мы не должны допустить,

чтобы были забыты ужасы войны и принесённые ею страдания и смерть миллионов людей. Сейчас немало охотников переписать историю, но Великая Отечественная война была, и жестокая битва с фашизмом завершилась его разгромом советскими войсками, которые имели надёжный, героический трудовой тыл.

Библиография

Некрасова Н. Наталья Ивановна Колянова
// *Выксунский рабочий*. – 2015. - №39(29 мая). – С. 7.

Кудасова Вера Ивановна

Семья Агафоновых переехала в Выксу из Вознесенского района 21 июня 1941-го. На следующий день было не до новоселья - началась война. События, происходившие в тот день, Вера Ивановна очень хорошо помнит и сейчас, несмотря на преклонный возраст.

А тогда она была маленькой хрупкой девчушкой. Главу семейства на фронт не забрали, так как у Ивана Петровича был врождённый порок сердца. Он трудился в листопрокатном цехе, работа тяжёлая, на износ, но разве об этом думаешь, когда на фронт ушёл каждый второй специалист и надо было выполнять норму не только за себя, но и за тех, кто воевал. Вот сердце и не выдержало нагрузок.

Отец так и не увидел своих повзрослевших детей.

Вера была старшей среди них, но из-за маленького роста выглядела значительно младше своих лет. Да не даром говорят: «Мал да удал». Она и в школе была первой ученицей. На уроках часто голова кружилась от голода, так как даже тот кусочек хлеба, что им давали в школьной столовой, старалась сохранить младшим братьям и сестрёнке. А еще они с мамой ходили на делянки, на которых вырубали деревья, чтобы получить из древесины дёготь для нужд госпиталей, и сажали на их место маленькие сосенки. За это им давали немного дров. В то время семья жила в маленьком домике на улице Луговой. Вот свой небольшой огородик и выручал. Хотя сохранить мелкую картошку для будущей посадки удавалось с большим трудом.

Девочка ходила помогать по хозяйству соседям: кому грядки прополет, кому в доме уберёт, откуда только силы брались, а за это ей давали что-нибудь из еды, чаще несколько картофелин или кусочек хлеба. И в войну люди по-разному жили, но большинство, как и семья Агафоновых, впроголодь. Одна надежда была - одолеем врага, и тогда у всех всего будет вдоволь. «То чувство великой радости, когда узнали о победе, трудно словами передать, - вспоминает Вера Ивановна, не сдержав слез. - Народ вышел на улицы. Все обнимаются, смеются, плачут... Разве такое забудешь...».

Библиография

Алексеева Л. Они повзрослели до срока // Выксунский рабочий. – 2008. - №128(11 нояб.). – С. 3.

Кудрявцева Валентина Дмитриевна

Родилась в Нижнем Новгороде 19 августа 1933 года.

Воспоминания: «Когда началась война, мне в то время было 7 лет, в августе 1941 года исполнилось 8 лет, и я пошла в школу. Как сейчас помню, было воскресенье, меня и сестру папа и мама повели в цирк. Когда был антракт, в 2 часа нам объявили, что началась война. Пришли домой, а там повестка о том, что папу забирают на войну. Мама, сестра и я остались одни, а мама была беременная. Началась голодовка, постоянно хотелось есть, в школе выдавали 25 гр хлеба. Так было на протяжении всей войны. Давали какой-то суп раз в неделю, я сама ходила и мне наливали этот суп в котелок. Однажды мама достала горчицы и испекла лепёшки, меня отправила на базар менять на что-то, но я так и не дошла, началась бомбёжка. Питались даже и не знаю чем, но постоянно хотелось есть. Ничего не было - ни дров, ни мыла, ни еды. Сами добывали торф, ходили и складывали в кучи, чтобы потом забрать. И никогда не было такого, чтобы кто-то забрал твой торф. Потом на себе в мешках таскали этот торф домой, чтобы топить печи. Старались экономить, топили, но было холодно, всё равно мёрзли. Было очень тяжело. В школах сидели в пальто, мёрзли, были голодные, но все учились хорошо, старались. Мама часто уезжала обменивать вещи на продукты, я оставалась за няньку, в то время у меня уже был младший брат и сестра. И я целый день находилась с ними, приходилось и печь топить, и варить. Жили всё время в Нижнем. Бомбили нас каждую ночь, прятались сначала в бомбоубежищах, но однажды его тоже разбомбили. Хорошо,

что мы в тот раз не пошли в него, а то бы и нас разбомбили. С тех пор прятались в погребах. Интересно то, что за время войны ни одна бомба не попала в школы, бомбили только заводы. Помню, что над заводами и предприятиями всегда нависали аэростаты для маскировки, они были везде. Почему-то было много немецких военнопленных. Однажды в Горький приехала наша бабушка из Выксы Рудакова Евдокия Петровна (1880 г.р.), пожила немного и сразу же уехала обратно, испугалась бомбёжек.

После бомбёжек мы собирали осколки, было интересно. Был такой случай - горел дом и вдруг из него выходит женщина с ребёнком вся в огне, упала и сразу умерла. Это было так страшно. Однажды я шла через парк, а там на деревьях висели руки, ноги. Оказывается, немцы разбомбили госпиталь, который был рядом с парком. А мы и не знали, что там был госпиталь.

Помню, как отец пришёл с фронта в 1946 году, какая была радость необыкновенная. Папа служил в конных войсках, был ранен в ногу, нога долго не заживала, постоянно гноилась и болела. До войны папа работал завмагом и его опять взяли на эту же работу. Он был верующим, часто ходил в церковь и нас брал с собой. И вот из-за того, что он был верующим, его сняли с завмага и оформили грузчиком. Тогда было такое время. После войны тоже голодали, младшие брат и сестра ходили в садик.

Я в 1948 году окончила школу (15 лет), затем Горьковский технико-экономический техникум, получила диплом в 1951 году. По направлению отправили в Ярославскую область в п. Песочное-на-Волге (сейчас п. Песочное) на работу. Зарплата - 60 рублей, работала бухгалтером-экономистом на фарфоровом заводе. Помню, что тоже было очень голодно, питались соевым белком, его тогда продавали в магазинах. Тут же я и встретила своего будущего мужа - Кудрявцева Александра Фёдоровича, участника Великой Отечественной войны. Он в 15 лет добровольцем ушёл на фронт. В 1951 году он

демобилизировался и приехал к себе на родину. Дружили мы с ним два года, потом поженились. Была свадьба, но с его родителями я жить не захотела. Мы приехали в Горький, стали жить с моими родителями. Затем нас позвали в Выксу, где обещали дать квартиру. Но ещё пять лет мы жили на съёмных квартирах. Муж работал на заводе, и я тоже на ВМЗ счетоводом работала. Потом для нас построили дома в 52-м квартале и там мы жили 13 лет. Потом получили квартиру на расширение в микрорайоне Гоголя, где и живём сейчас».

Библиография

Кудрявцева Валентина Дмитриевна: (дети войны): [воспоминания В.Д. Кудрявцевой записаны вед. библиографом б-ки «Отчий край» Л.Д. Щенниковой]. – Выкса, 2015. – 2 печатных листа; **Липатова Е. И.** Для юнги Северного флота Выкса стала родной: [вспоминает В.Д. Кудрявцева о себе и своём муже] // *Выксунский рабочий*. – 2019. - №30(2 авг.). – С. 8.

Кузнецова Людмила Николаевна

Людмила Кузнецова с мамой

«Деда знаю только по фотографии». Внучке Николая Рыбакова не довелось увидеть своего дедушку. «Мой дед, Николай Павлович Рыбаков, ушёл воевать в 1941-м, погиб в 1942-м где-то под Смоленском. Мама говорит, что он был весёлым, работающим.

Вспоминая его, она всегда плачет, ведь жизнь была бы совсем другой, если бы не война...», - рассказывает библиотекарь Центральной детской библиотеки Наталья Ухлина. – «Моя мама, Людмила Николаевна Кузнецова (Рыбакова), родилась в 1936 году в селе Сноведь Выксунского района. Отец вместе с другими односельчанами ушёл защищать Родину. В селе остались женщины и дети. Дети, на долю которых пришлась война. Голодным и холодным было их детство, но они жили верой в победу над врагом. Не все вернулись с полей сражений. Смертью храбрых погиб мой дед и почти 100 его земляков. Я попросила маму рассказать о тех непростых детских годах, как же они жили в то время, чем занимались, во что играли, и было ли время для игр.

И вот что она мне поведала: «Я принадлежу к поколению детей, родившихся за 4-5 лет до начала Великой Отечественной войны. В наш район не долетали немецкие самолёты, не разрывались бомбы, но она вошла в каждый дом нашего села. Все мужчины призывного возраста ушли защищать Родину, а девушки рыли окопы в Горьком. Ушёл на фронт и мой отец. В письмах он рассказывал о жестоких боях, вселял надежду на победу. Часто эти треугольники заканчивались словами: «Идём в бой. Береги себя и детей». А как беречь себя, оставшись с тремя детьми! Все работы были очень тяжёлые. Для того чтобы протопить печь зимой, мы с мамой ходили в лес. Она срубала топором сухие деревья, потом мы с трудом затаскивали их на салазки и везли домой. А летом таскали сучки и жёрдочки на своих худеньких плечиках. Жили голодно, кушать было нечего.

Мама меняла на немудрёную еду вещи, нажитые до войны. Весной копали гнилую картошку и ели её. Почти все женщины села вступили в колхоз, в котором работали бесплатно, за трудодни. А в конце осени на эти трудодни давали немного овощей и ржи. Летом мы, дети, пропадали в лесу, собирая грибы и ягоды. И ещё мы изловчились продавать табак. В шести километрах от Сноведи построили ГУАС

(лагерь для военнопленных). Там жили татары, украинцы, которые в годы войны служили немцам. Мама сажала табак, потом сушила и резала его.

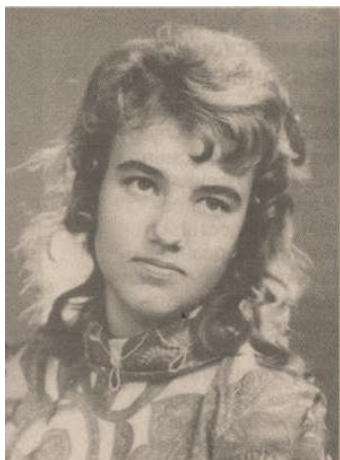
Помню, соберёмся мы, несколько девочек, сумчонки с табаком в руки - и пошли. Заключённые его у нас охотно покупали, конечно, за копейки. Но и этому мы были рады.

И каждый день мы ждали весточки с фронта от папы. Но в село стали уже приходиться одна за другой похоронки. В 1942 году и к нам в дом пришла беда: отец погиб в жестоком бою недалеко от Смоленска. Потом была долгожданная победа. Этот день у меня навсегда остался в памяти: ранним утром по всему селу бегала тётя Саша, сторожиха сельского Совета, в руках у неё была огромная палка. Она ударяла этой палкой по воротам каждого дома и с криком «Победа!» бежала дальше. Так закончилась эта страшная война. Но нам жилось очень трудно ещё долгие годы, пока мы не пошли работать».

Библиография

Липатова Е. И. Детям, пережившим ту войну, поклониться нужно до земли!: [Людмила Кузнецова: «Я приеду с победой! – писал в письмах с фронта мой папа] // Выксунский рабочий. – 2018. - №11(23 марта). – С. 13.

Кузьмина Раиса Станиславовна

Самолёты прилетели утром. Заревела скотина, напуганная гулом, плакали дети. Скоро остался только звук падающих и разрывающихся снарядов. По домам не бомбили, досталось огородам и садам. Женщины и старики, единственные оставшиеся в селе взрослые (мужчин призвали в первые дни войны), с ужасом ждали, что будет дальше. Вечером следующего дня в Старый Любар на мотоциклах въехали немцы. Они привезли здоровых злых овчарок и страх, что в любой момент тебя, твоих близких могут убить за сказанное «нет», за взгляд, который покажется дерзким, за то, что мешаешься «под ногами».

Конечно, матери сразу постарались спрятать маленьких детей. Трёхлетнюю Марию, четырёхлетнего Толика и шестилетнюю Раису мама заперла в подполе под домом, где зимой хранили картошку. Сама со старшими детьми осталась наверху. Дом, большой, пятистенный, заняли немцы. В итоге младшие просидели в подвале несколько недель — мама только спускала им вниз еду. Выпустила, когда немцы уже «прижились» и стало ясно, что прямо сейчас сельчан они расстреливать не будут. Много лет спустя Раиса Кузьмина, вспоминая о детских годах, напишет:

*«С чего начинается
детство?»*

*С цветущего сада в окне.
Моё начиналось с бомбёжек,
С пылавшей деревни в огне.*

*С картошки гнилой прошлогодней,
Я вкус её помню сегодня...»*

В саду 20 соток, немцы поставили кухню. Обьедками кормили порося, которого семья планировала зарезать к осени. Остатки каши, супов выливались в новенькое корыто: папа сделал его за несколько дней до войны. Это корыто Раиса Станиславовна с благодарностью вспоминает до сих пор. Когда они уже вышли «наверх», то бегали к нему с Толиком. Сначала Толик стоял на карауле, Раиса руками загребала сваленное и ела, потом ждала, пока поест младший брат. Однажды их увидела мама. Заплакала: «Убьют, если увидят».

Сад спасал во время бомбёжек. В вырытой старшим братом яме было не так страшно. А потом всей семье немцы разрешили поселиться в маленькой комнатке дома. Дети, одетыми, ложились под кровать, на которой спала мама. Только ноги торчали. Но уместались все пятеро. К тому времени старшую Надежду уже увезли, как и остальную молодёжь, в Германию - трудиться. Никто не знал, куда конкретно; только в 44-м, когда девушка вернулась, рассказала, что работала на ферме в районе Бреславля. Вернулся и сосед Ваня. Так и не вытянувшийся, и усы у него не росли - немцы что-то делали с мальчишками, чтобы «русские не размножались».

Как-то мама сумела спрятать на чердаке двух гусей, чтобы хоть что-то после немцев в доме осталось - верили, что конец войне будет. В один из вечеров внизу было слишком шумно, и птицы разгоготались. Один из пришлых, не «своих», квартировавшихся здесь немцев, вытащил оружие. Мать уговаривала не стрелять, сама показала им птиц, но немец всё равно сердился. Тогда, услышав мамин плач, из комнаты выбежали дети и облепили его. Раиса вцепилась в высокий чёрный сапог и не давала себя стряхнуть. В итоге немец выругался, забрал гусей, схватив их за шеи, и ушёл.

Когда немцы что-то хотели сказать, их легко было понять, потому что они хорошо говорили по-русски.

А в один из дней немцы так же быстро, как въехали, покинули Старый Любар. Даже вещи оставили. Но их не трогали. Вдруг вернутся? Обрадовались, когда услышали у соседа по радио, что наши идут. Тогда разобрали брошенный немцем мешок, а там - сапожный крем и конфеты как витаминки. Дети разделили их на всех, впервые за войну чувствуя на языке сладость.

«Наши солдаты, наверное, уже устали, - говорит Раиса Станиславовна. Перед Рождеством 44-го мама купала младших на кухне. Распахнулась дверь, солдат со штык-винтовкой наперевес ворвался в дом, перевернул вещи в сундуке и, посмотрев на семью, начал угрожать штыком: «Вот я вас всех на него посажу!».

Запас человеческой прочности таял, но Победа была близко. Правда, папа вернулся только в 46-м. Он долгое время пролежал в госпитале - три ранения от разрывных пуль - в руку, которую он отказался отрезать, ногу и живот. Раиса позднее подслушала, как отец рассказывал свояку о спасении. На высоте, которую они должны были удерживать, уложили практически всех. Пришли за ними только через три дня. Хотели бросить к мёртвым: их клали отдельно. А он - мягкий. Его с несколькими другими выжившими, но тяжело ранеными, перевезли в госпиталь.

Мирное время ещё долго не было по-настоящему мирным. Класс собрали - кому семь, кому 15. Дети постоянно недоедали, еле сидели на уроках. Учительница, Лариса Марковна, украдкой стучала по своему столу, потом выходила в коридор и, возвращаясь, говорила: «Ой, Витенька, тебе поесть передали». Так и подкармливала: когда кусочком хлеба, когда картофелиной. А ещё надо было работать, трудиться на земле, в колхозе, где отощавших коров, чтоб не падали, привязывали к потолкам сараев.

Желая вырваться из нищеты и разрухи, выросшая Раиса наперекор родителям поступила в сельскохозяйственную школу бухгалтеров в Радомышле. Обязалась два года

отработать в колхозе. Выдержала год, перед отпуском написала всем подругам справки с печатью, что колхоз их отпускает. Иначе не выехать - паспортов не давали. Девчонки отправились в Киев, Севастополь, Донбасс. Раиса - в Выксу, которой грезила давно. Об этом городе писала тётя, та переехала в Виксу, как её здесь называли, ещё в голод 33-го. Тогда людей вербовали на заводское строительство. Приезжие построили бараки на песках, где им и выделили по комнатке. В этой комнате, где тётя уже уютилась с двумя дочерьми, Раисе поселиться было невозможно. Но она твёрдо решила остаться в Выксе, это, уверена она спустя 60 лет, её и спасло: в живых из братьев и сестёр, кроме неё, осталась только самая младшая, родившаяся в 47-м.

Устроилась на завод ДРО учеником токаря и изучила всё производство: чтобы поглядеть в глаза застарелого подросткового страха, понимать, что гильотины и термические печи можно использовать в производстве, не просыпаться в поту от услышанных историй, как увечили и жгли людей.

А вот бомбёжки Раиса Станиславовна видит во сне до сих пор:

*«Пускай овчарки и бомбёжки
Мне снятся по ночам!
Пускай мы детские года
Отдали палачам!
Пускай мы вышли из руин,
Но всё же живы мы.
Земля и небо голубое
Нам живым!»*

Библиография

Виль В. Вчера во сне меня бомбили // Выксунский рабочий. – 2017. - №37(22 сент.). – С. 21; Козоедова Л. Жить, чтобы помочь другим // Выксунский рабочий. – 2015. - №8(30 янв.). – С. 7.

Куплинова Евдокия Ивановна

Дусе Мичуриной было 10 лет, когда началась Великая Отечественная. Многодетная семья её родителей, Ивана Семёновича и Елизаветы Ивановны, где подрастали семеро детей, и так жила небогато. А в войну хлебнула горя полной чашей.

В конце 30-х годов Мичурины перевезли свой дом из Осиповки на Унор. Доход у углежого и колхозницы был небольшим, поэтому держали корову, овец, кур, за которыми ухаживали как взрослые, так и дети. Старшего Василия в 1939 году призвали в армию. Ему выпало одним из первых сражаться с фашистами. Из-за проблем со здоровьем Ивана Семёновича определили ухаживать за ранеными в боях лошадьми, которые были определены в конюшню, находившуюся в Досчатом.

«Свой первый трёхдневный отпуск отец получил в сорок втором, - вспоминает Евдокия Ивановна. - Приехал домой и к концу отпуска умер. Стояла засуха. Овощи не уродились, и маме пришлось менять наши вещи на продукты. В колхозе разрешили перекапывать картофельные поля только весной.

И вот из этой полугнилой картошки мама пекла нам оладьи. Продналоги установили высокие, поэтому польза от скотины

была для нас минимальной. Есть хотелось постоянно. А хлеба за всю войну мы так и не видели.

Дети как могли помогали своей маме. Трудились и в колхозе «Победа», и на огороде.

Я, Катя и Маша продолжили учёбу в школе посёлка, что располагалась в частном доме, - продолжает Евдокия Ивановна. - Но старшей Насте учиться не довелось. Она нянчилась сначала с нами, затем с младшими Алёшей и Тоней. Так и осталась безграмотной.

Библиография

Макракова Т. *Когда детство стало взрослым: от печали до радости: [о Е.И. Куплиновой] // Выксунский рабочий. – 2019. - №24(21 июня). – С. 4-5.*

Мельникова Евгения Яковлевна

Июнь 41-го года...

Для многих шестиклассников страны Советов наступили последние летние каникулы.

От взрослой жизни ребят и девчат отделял всего один учебный год - тогда многие после семилетки шли получать профессию, а то и сразу поступали на работу. Среди них была и юная выксунка Женя Зотова...

Проживала Женя на Песках, а училась в школе № 8 на ул. Красных Зорь. Получая заветный табель за 6 класс, школьница и не подозревала, что с сентября её привычный

маршрут на уроки будет иным. А все потому, что ровно в день начала войны поступило распоряжение Горьковского облздрава подготовить в Выксе помещения под госпитали, которые уже в июле стали принимать первых раненых. Один из эвакогоспиталей развернулся на базе восьмой школы. И вместо рядов парт в светлых классах установили ряды железных коек.

«Школу нашу - под госпиталь. А нас перевели в четвёртую школу на Нижнем заводе. Там и заканчивали учебу, - вспоминает Евгения Яковлевна. - Потом на работу пошла в завод ДРО, где в ту пору - сейчас секрета в этом нет - кроме прочего делали корпуса снарядов и мин. Взяли меня в ОТК - большой такой стол был, вот вдоль него ходишь всю смену и проверяешь, проверяешь... Другой раз собираемся из смены домой - спать хочется, а нам говорят: «Девочки, в госпиталь зайдите. Надо письмо написать...».

И Женя с подругами шла в родную школу и, как когда-то в этих стенах, писала под диктовку. Да только не учитель диктовал, а тяжелораненый боец. Эвакогоспиталь № 2914 считался небольшим, на 100-120 коек. Но сюда поступали с особо серьёзными ранениями.

Шли в свою школу, а узнать её не могли, - продолжает Евгения Яковлевна. - Всё здесь по-другому. Нет школьной веселой суеты, а есть строгие люди в халатах, запах хлорки и медицины. Ребята молоденькие в бинтах с бурыми пятнами. От родных скрывали, что тяжёлые увечья получили, всё скажут: «Ты напиши матери, что всё нормально...». Другой книжку почитать просит - читали. А кругом-то кровь, крики, слезы... Так нам с подружками это запало в душу, что ни одна в медицину пойти не решилась, хотя предлагали направление и помощь на медсестёр выучиться...

Выкса, хоть и тыловой городок, но и тут люди в войну вдосталь нахлебались горя. Отца Жени не забрали на фронт - он работал в мартеновском цехе, имел бронь. Только он и Женя в войну работали из всей семьи, где росли четверо детей...

В победный день 9 мая, как вспоминает Евгения Яковлевна, их на радостях отпустили с работы по домам.

После войны она училась в техникуме, долгое время жила в грузинском городе Поти, где вышла замуж за земляка-горьковчанина и стала Мельниковой, вернулась в родную Выксу, вновь трудилась на заводе ДРО. Но и спустя годы мирной жизни - с обычными людскими заботами и радостями - воспоминания о военном лихолетье вызывают у неё слезы. И она снова повторяет: «Не дай Бог кому испытать то, что довелось нам...».

Библиография

Александрова Н. Ничто не забыто: [о Е.Я. Мельниковой] // Красные Зори. – 2019. - №6-8. – С. 32.

Мольков Анатолий Фёдорович

Анатолий Фёдорович Мольков родился в 1930 году в Нижней Верее. После службы в армии, в начале пятидесятых годов, поступил на работу в леспромхоз, на лесозавод, где трудился грузчиком, крановщиком до выхода на пенсию. А детство его пришлось на военное лихолетье, когда отцы и старшие братья проливали кровь на фронте, а в тылу, напрягая все силы, женщины, старики и дети самоотверженно трудились в полеводстве и животноводстве, снабжая сражающуюся армию необходимыми продуктами пита-

ния, возводили оборонительные сооружения на правом берегу Оки.

Свой небольшой рассказ Анатолий Фёдорович посвящает той поре, когда он, по сути ребенок, и его односельчане дружно помогали фронту, выращивая хлеб и овощи, производя животноводческую продукцию.

«Перед войной наша семья состояла из семи человек, 12 июня 1941 года призвали в армию старшего брата. А когда началась война, взяли на фронт отца. От брата получили всего два письма из Житомира, а потом он пропал без вести. Отец погиб в сорок третьем.

До войны деревня была многолюдной. Дружно работали в колхозе, весело жили. А как началась война - деревня притихла, люди загрустили. Почти из каждой семьи мужчины уходили на фронт. Да не по одному, а по двое, по трое, до пяти человек. Женщин и подростков мобилизовали на строительство оборонительных сооружений в районе Шиморского. А к нам в село почему-то привезли на аналогичные работы людей из других районов.

По сути в селе оставались малые дети да старики. На них-то и легла основная тяжесть работ в колхозе. В одиннадцать лет я на пару с дедом Григорием Пискаревым на лошади возил снопы на зерноток, погонял лошадей на конной молотилке. В летнюю страду работали круглые сутки, спать приходилось два-три часа. Зимой возили дрова из делянок к железной дороге. Помню, у меня была лошадь, звали её Пегашка. Дорога проходила по болотистой местности, и вдруг лошадь, везущая воз, провалилась. Неизвестно, как бы я выпутался из этой неприятной истории, если бы возле меня случайно не оказался начальник лесоучастка Голубев (забыл его имя, отчество). Он сказал: "Выпрягай лошадь!" Освободил лошадь из упряжки, вывел на сухое место. А потом говорит: "Помоги". Сам взялся за оглобли, да и вытянул воз. Сильный оказался мужик.

В тринадцать лет мне доверили конный двор. Стало быть, стал старшим и единственным конюхом. А сколько под-

ростков трудились наравне со взрослыми. Назову некоторых: Иван Пантелеев, Николай Суслов, Александр Лепилов.

В то время в деревне не было ни тракторов, ни комбайнов. Конные косилки, грабли, молотилки - вот и вся «техника». Надо сказать, что и лошадей забирали в армию. А тут приключилась эпидемия, был большой падёж лошадей. Основной тягловой силой стали быки. Сколько муки пришлось испытать, чтобы приучить животных к упряжи. А когда поспевали зерновые, то на поле выходили исключительно с серпами - и женщины, и дети. Потом до самой зимы работа перемещалась на тока, шёл обмолот зерна, сортировка, метание соломы.

А сколько надо было вывезти из лугов сена, стога-то стояли плотно. Тысячи голов общественного скота содержались во дворах: коровы, лошади, свиньи, овцы. И всё это в достатке обеспечивалось кормами. Кроме того, была огородная бригада, которая выращивала капусту, морковь, огурцы. Зимой девчата были заняты на сушке картофеля для фронта. Деревня поставляла рабочую силу на торфоразработки, заготовку дров для города.

Сейчас трудно себе представить, откуда брались силы, чтобы выполнить колоссальную работу. Многим моим сверстникам пришлось бросить школу. Надо было изо всех сил помогать фронту - этой мыслью жили все. Вот уж поистине фронт и тыл были едины. Я хорошо помню ударников колхоза - Ивана Александровича Ладугина, Матрёну Ивановну Ворожеинову, Анну Фёдоровну Пантелееву, Елену Фёдоровну Уткину, Ивана Павловича Гусева, Александру Николаевну Симонову и многих других, самоотверженно трудившихся на различных участках колхозного производства. Не случайно 160 взрослых и подростков были награждены медалями "За доблестный труд".

Библиография

Вышатицкая Л. *Вся жизнь в труде и движении // Выксунский рабочий.* – 2015. - №50(10 июля). – С. 7;
Мольков А.Ф. *Вспомнилась мне моя деревня... // Выксунский рабочий.* – 2016. - №31(6 мая). – С. 8; **Мольков А.Ф.** *Дети рано выросли // Выксунский рабочий.* – 1995. - №50(29 марта). – С. 2.

Орлова-Личнова Тамара

«В годы войны мы жили на улице Красная площадь в доме №13: мама, папа, бабушка, дедушка, дядя Серёжа. Дядю в 1939 году забрали в армию, из армии - на фронт, где и погиб в 1943-м.

Летом 1941-го папу призвали на войну. Из тех лет запомнилась чёрная «тарелка» радио, из которой доносились время от времени жёсткие слова: «Воздушная тревога!», а немного погодя слышался страшный гул самолётов, которые летели бомбить Горький. Когда объявляли воздушную тревогу, мама брала меня, и мы бежали прятаться в парк. Там были вырыты «щели». В них прятались жители улиц 1-я и 2-я Рудная, Ленина и других. Мы сидели там, пока не закончится тревога. Здесь были только матери с детьми.

Во время войны жить было очень трудно. Спасало семью то, что наш дедушка был рыбаком. Он ловил рыбу на Запасном пруду. А ещё перед войной дед закупил много

соли. Они с моей мамой ходили за реку в д. Ляхи, меняли эту соль на хлеб и пшено. До сих пор помню вкус этой пшённой каши и люблю её.

Помню госпиталь в ДК им. Лепсе. Там работала моя мама, её сестра и наши соседи: Зинаида Николаевна Брюнчугина, Тамара Титкова и др. Вечером, после работы на заводе, они приходили в госпиталь, помогали писать письма, ухаживали за ранеными. Я запомнила, что весь зал был заставлен кроватями. Был один тяжелораненый, который попросил мою маму: «Аня, похлопочи, чтобы твою дочь (т.е. меня) пропустили ко мне». У него в Минске погибла семья - жена, четырёхлетняя дочь. Вечером мы с мамой пришли. До сих пор помню, как он целовал меня и горько плакал. Плакали все: раненые, мама, я, медсёстры, врачи. Все стали давать мне сахар, галеты, печенье. А мужчина нарисовал мне цветы. Долго хранила я этот рисунок.

Через некоторое время он умер. Его похоронили на кладбище, где теперь площадь Октябрьской революции. Потом перезахоронили на Северном кладбище. Родители пытались найти его родственников, но так и не нашли.

Ещё помню, что госпиталь был в посёлке Шиморское. До войны папа работал фотографом в детском секторе ДК им. Лепсе, вёл фотокружок, после войны - директором пионерского лагеря на Курихе. В 1951 году был начальником пионерского лагеря на Лысой горе.

В июне 1947 года я вместе с папой и другими ребятами детского сектора поехала на экскурсию в Муром. От Досчатого до Мурома плыли на катере. В Муроме стали подниматься в гору, кто-то из ребят крикнул: «Смотрите - немцы!». И действительно, на высоком берегу Оки сидели пленные немцы. Их охраняли наши солдаты с автоматами. Как нам сказали, их привезли строить какую-то фабрику. Что тут началось! В немцев полетели камни, палки, всё, что под руку попадалось. Вместе с нами в немцев бросали палки и женщины. Потом нас, детей, еле успокоили.

В день, когда закончилась война, было тепло. Много народу собралось рядом с нашим домом на Красной площади. Все плакали, целовались, обнимались. Потом стали подходить колонны с ВМЗ, ДРО. Помню митинг около ДК им. Лепсе. Взрослые говорили так: «Считай, вся Выкса здесь».

Часто я с мамой ходила за «десятый магазин». Там проходила узкоколейка на Досчатое. Вот сюда-то и приезжали вагоны с ранеными. Народу здесь всегда было очень много. Но наш папа пришёл с войны только в сентябре 1946 года.

Тамара с папой, 1946 г.

Библиография

Липатова Е. И. Детям, пережившим ту войну, поклониться нужно до земли!: [Тамара Орлова-Личнова: «Я до сих пор помню страшный гул самолётов»] // Выксунский рабочий. – 2018. - №11(23 марта). – С. 13.

Рукавишникова Клавдия Ивановна

Трудно вспомнить всё, что происходило в жизни, пожилому человеку - особенно. Но самые значимые события всегда чётко впечатаны в память, как бы много лет назад они ни происходили. Речь идёт о жизненно важных, затрагивающих самые трагические страницы истории нашей страны в XX веке, - о Великой Отечественной войне.

Клавдия Ивановна Рукавишникова живёт в Виле. Переехала сюда с родителями из Выксы ещё до войны совсем маленькой. Ситуация не характерная, почему из города да в деревню? Пожилая женщина поясняет: «Отец кузнецом был, в семье четверо детей—мал мала меньше, всех кормить нужно, а в селе кузнец себе работу всегда найдёт».

О начале Великой Отечественной 12-летняя Клава узнала 22 июня, рано утром, от соседа из дома напротив. Он занимал какой-то важный пост и потому, наверное, имел в своём жилище радио (на улице громкоговорителя не было). Если бы не данное известие, беззаботное детство девочки продолжилось бы до вечера, наверняка убежала бы в лес за ранней земляникой и не услышала страшную новость. Вот так в одночасье закончилось детство.

Особенно отчётливо поняла это, когда начались занятия в школе: дети стали посещать их кто как мог. «Голодно в войну было, - рассказывает Клавдия Ивановна, - у многих и есть нечего. Какие уж тут уроки, когда голова от слабости кружится. Потом начали выделять 50 граммов хлеба на учащегося в день, вот побольше и стало учеников ходить.

Летом в лес бегали - ягод нарвёшь, всё посытнее, хотя и ненадолго. Варили щи из щавеля, лебеды, мама чуть молочка плеснёт, забелит похлёбку — и тому рады». Маме Клавдии, оставшейся одной с четырьмя детьми, пришлось трудиться на газогенераторе, с помощью которого, перерабатывая торф, добывали газ для мартена. Труд тяжёлый, под землёй, не каждому мужчине под силу. За это и получала повышенную норму хлеба: не 800 граммов, а 1 кг ржаного в день.

Вечерами в домах жители занавешивали окна, чтобы свет не проникал на улицу. По радио, в сельсовете говорили, чтобы окна бумагой крест-накрест заклеивали. В школе все разговоры - про войну, про Родину. Очень жаль было, что не получилось скорой победы над врагом, в которую многие без сомнения верили. Жить становилось всё труднее. Трудовой путь Клава начала в 1943 году в 14 лет в колхозе «Красный партизан». Здесь, в Виле, в том месте, где за клубом находится родник, и было её первое рабочее место: большой котёл, в котором варили картошку свиньям, неподалёку загон, где выхаживали поросят, - всё для фронта, всё для Победы. Но ребятишки не роптали, понимали, что помогают стране, что не только им тяжело приходится. Недалеко от Вили в палатках разместились прибывшие откуда-то военные, рыли окопы, что-то строили. А вечерами ходили по домам, предлагая жителям рубашки, брюки выменять на хлеб. Видно, и солдаты жили несладко в лихую годину.

В 1945 году устроилась крановщицей в ДРО, в цех № 12. И здесь работа у Клавдии была не из лёгких: вентиляция на производстве отсутствовала, дышать тяжело, летом - жара, зимой - холод. «Но нам доверяли выполнять очень важное задание - участвовать в сборке бронекорпусов для танков, чем мы гордились. Только спустя годы понимаешь, в каких тяжелейших условиях трудились, сейчас бы мало кто согласился так работать», - раздумывает К.И.

Рукавишников. Довелось Клавдии Ивановне быть и крановщицей на мартеновском производстве, откуда ушла на заслуженный отдых. Награждена многими медалями, Почётными грамотами.

Библиография

Козеева Л. И над Вилей фашист пролетал // Выксунский рабочий. – 2010. - №48(23 июня). – С. 6.

Сёмин Василий Акимович

Нужно помнить об этих детях, и погибших, и сумевших выжить в аду на Земле, как о героях. Героях, которым порой не было и десяти, когда они становились единственной опорой для матерей, когда выступали связными между партизанскими отрядами на оккупированных территориях, когда добывали ценою собственной жизни в тяжелейших условиях пропитание для младших братьев и сестёр.

Отец и мать Василия Акимовича Сёмина в 30-е годы, когда в Союзе начался голод, по вербовке переехали из Смоленской в Херсонскую область. Вступили в колхоз. Здесь семью и застала Великая Отечественная война.

«Очень хорошо помню, как отца на фронт забирали. Вызывали всех на общее колхозное собрание. Было это в августе 41-го. Так мать и осталась одна с детьми (восемь

постарше и один грудничок) на руках. А уже в начале сентября, когда закончилась уборка урожая, все поля стали белыми от листовок. Их сбрасывали немецкие самолёты. Мы с ребятами из любопытства бегали рассматривать их. Я и сейчас хорошо помню те страшные цветные картинки. На одной — молодому мужчине немецкие солдаты забивают шпильки под ногти. На другой — пытаются щипцами».

Вслед за листовками осенью в те края пришли и немцы. Они заняли хаты, а местным жителям пришлось перебраться в вырытые ещё до того окопы и землянки. Но самой страшной угрозой для хуторян стал не фашистский солдат, а голод. Василий Акимович вспоминает:

«Ещё до оккупации председатель колхоза обратился ко всем, чтобы каждая семья взяла себе столько зерна из собранного урожая, сколько могла унести, и спрятала. А урожай в том году собрали небывало высокий. И я с братьями помогал матери его прятать. Как и все, возле хаты рыли ямы, выстилали их соломой и складывали туда мешки с пшеницей. Но уже после того, как хаты заняли немцы, кто-то из предателей доложил о тайниках, и солдаты забрали всё до последнего зёрнышка, обрекли нас на голодную смерть. Выживали как могли. Ели всё подряд - корни, зелень, цветущую акацию. Зимой, конечно, приходилось сложнее. Спасла нас кукуруза. Моя 11-летняя сестра работала на свиарнике - немцы заставляли - и вот как-то к ней пришёл брат, залез на чердак - и увидел там кем-то спрятанные, но забытые кукурузные початки. Их было очень много. И мы ночами перетаскивали их к нам.

Часто приходилось выходить из окопов на поиски еды. Особенно тяжёлой была весна 43-го. Густых лесов в наших краях не было, зато в садах росли вишни, сливы, абрикосы, под их листвой и укрывали фашистские солдаты артиллерийское оружие, машины. А вечерами немецкие офицеры собирались у русской немки, жившей в одной из хат. В это время я и другие ребята устраивали вылазки за

продовольствием. Как-то раз заметил я в саду машину, гружёную консервами. Забрался туда, начал из кузова банки скидывать. Вдруг появился немецкий солдат, заорал, автомат наставил прямо на меня. Не знаю, пожалел он меня, что ли, но так и не выстрелил, отпустил.

Это был не первый раз, когда я под дулом оказывался. Немцы, как только пришли, сразу приказ дали - убить всех собак, чтобы не беспокоили солдат. А я большой любитель собак, и пёс у меня тогда был. Я его в погреб спрятал. Немцы к нам - он залаял. Те заставили меня в погреб спуститься, чтобы я собаку отдал. Ну а я не отдаю, держу её на руках. Выстрелили, повезло - меня пуля не задела».

Два раза спасала судьба Василия Семёна от гибели, спасла и в третий раз. «Не скажу, куда мы ходили в тот раз: за водой или ещё за чем-то. Но когда начался артиллерийский обстрел, мы, трое ребят, уже ушли на километр от ближайшего окопа. И в метрах десяти от нас разорвался снаряд. Двое насмерть, меня тяжело ранило».

Из-за этого ранения Василий Акимович в восемь лет практически потерял зрение (на 90%), а осколочные раны дают о себе знать до сих пор. Но и тогда после тяжёлых операций он не потерял воли к жизни и желания реализовать себя. Правда, помочь ему и поддержать по-мужски было уже некому, всё легло на хрупкие материнские плечи.

«Конечно, вспоминаю и День Победы, когда в деревню вернулось несколько человек, искалеченных, больных, но живых. А то всё похоронки, похоронки шли. Похоронку получила и мать — отец погиб в боях за Севастополь. Победный май был связан со слезами.

Надо было помогать семье. Сестра, та что в свинарнике работала, предложила пасти поросят. От меня толку-то? Они чуть подальше ушли - и я не вижу их. Так бы я и пропал, наверное, если бы не школьная учительница начальных классов, которая, видя моё стремление к учёбе и успехи в ней, предложила матери отвезти меня в Кировоградскую

спецшколу для слепых».

Добирались мать и сын долго, тяжело. Ехали и на платформах, и на крышах вагонов, потому что все поезда были переполнены солдатами, возвращавшимися домой. Но все трудности Василий Сёмин претерпел не зря. Он успешно окончил эту школу, изучил систему Брайля в кратчайшие сроки. Как говорит он сам, «быстро овладел наукой, потому что хотел стать настоящим человеком, вырваться». Василия, как лучшего ученика, воспитательница сама отвезла в восьмилетнюю Одесскую школу для слабовидящих. И её он окончил на пятёрки. Дальнейшее образование было под вопросом.

«Сначала я попытался поступить в среднюю спецшколу для слабовидящих и слепых в Куйбышеве. Приехал в августе, подал все необходимые документы. Отметки, характеристика — всё отлично. Но дело в том, что тогда действовал «закон» Сталина: те, кто был в оккупации — люди второго сорта, они с немцами сотрудничали. А ведь в годы оккупации фашисты отправляли женщин на работу только под дулом автомата, мы же, мальчишки, не раз испытали на себе удары кованых солдатских сапог. Тем не менее в Куйбышевскую спецшколу меня не приняли. Хорошо, знакомые посоветовали попытаться поступить в аналогичную школу в Алатыре. Ехал 11 дней. И после дополнительных экзаменов (к тому моменту все классы были уже укомплектованы) я поступил.

Эту школу В.А. Сёмин окончил с медалью, благополучно поступил в институт в Пензе, а потом по распределению оказался в Виле, где и проработал учителем истории 40 лет.

Библиография

Абдулхакова К. «...Здесь немцы были век назад»
// Выксунский рабочий. – 2010. - №34(5 мая). – С. 4.

Сотникова Ирина Сергеевна

Ирина Сергеевна Сотникова - преподаватель Выксунского металлургического техникума. Человек эрудированный, грамотный, умеющий ценить слово и чётко выражать свои мысли. В металлургию влюблена и до сих пор считает профессию металлурга самой важной и ... красивой. На долю её поколения выпали тяжёлые военные годы, но, как большинство людей того времени, трудности закалили её,

а потому духом крепка, характером стойка, в общении проста.

Её воспоминания о времени и о себе, о том, как это было... : «Я родилась в мае 1933 года, т.е. отношусь к поколению, которое сейчас называют «дети войны». Это очень правильное название не только потому, что наше детство пришлось на годы Великой Отечественной. Песни предвоенных лет тоже говорили о войне: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути...», «Если завтра война, если завтра в поход...». И кинофильмы тех лет - «Чапаев», «Семеро смелых» - рассказывали о том же. Война в Испании, дети, привезённые оттуда в Союз - наши ровесники, и мы не случайно носили тогда «испанки». Слово «фашизм» было нам знакомо так же, как и названия: Халхин-Гол, озеро Хасан. Меня эти события коснулись лично: мой отец - кадровый военный, начальник боепитания артиллерийского полка - был участником тех событий, получил тяжёлое ранение на реке Халхин-Гол. После госпиталя приехал в отпуск. Зима, много снега, папа везёт меня на санках, на нём сапоги, длиннополая шинель, а на голове шлем с красной звездой. Приходим домой, он растапливает печку, мы сидим около раскрытой

дверцы, мне тепло и надёжно. Он умер летом 1940 года, и мама стала вдовой в 28 лет.

1940 год - война с Финляндией. Одна из красивых улиц Выксы - Луначарского - переименована в честь Бориса Корнилова, первого Героя Советского Союза, погибшего в этой войне.

1941-й год, 22 июня, воскресенье, очень тёплый и солнечный день. Я с тётёй Анной Николаевной иду в парк. В летнем кинотеатре будут показывать «Василису Прекрасную». Покупаем билеты, идём в зал, гаснет свет, начинается сеанс, но вдруг снова зажигается свет, перед экраном появляется человек и что-то говорит, все выходят из зала. Я очень недовольна, требую объяснений, но тётя очень строго говорит, что надо скорее идти домой. Выходим из парка и видим, что у дома Любавиных (угол Садовой и Детской слободы) стоит много народу, а на подоконнике из радиоприёмника передают речь Молотова - началась война.

1 сентября 1941 года мы с Галей идём в первый класс начальной школы №5. Первые классы учатся в маленьком здании на ул. Пионера, сейчас там размещается ясельная группа детского сада №1. Нас встречает наша первая учительница Екатерина Григорьевна Самойлова. И с первых дней мы одолевали её вопросами о том, когда закончится война. Она спокойно говорит нам, что мы обязательно победим и война закончится. В этом здании мы учимся недолго - его занимают военные, а в большом здании школы размещаются эвакуированные. Бабушка Гали говорит о них: «бедные кувырканые» - у них вся жизнь пошла кувырком. Теперь мы учимся в школе №3, где кроме нас, хозяев, занимаются ученики школы №1 и некоторые группы техникума. Учимся в три смены. Военные зимы холодные, дров мало, они сырые, их заготавливают старшеклассники, а средние классы пилят и колют. В школе холодно, мы сидим на уроках в пальто, а перед первым уроком надо успеть руками отогреть чернила в «непроливайках», потому что они замерзают, пока мы добираемся до школы. Довоенный запас тетрадей быстро заканчивается, и мы пишем на чём придётся, иногда (и это удача!) делаем тетради из шершавой обёрточной бумаги с «занозами», за которые цепляется перо. Да их ещё нужно заранее разлиновать. Несмотря на это стараемся учиться

хорошо. Екатерина Григорьевна объясняет, что невыгученный урок - это невыполненный приказ командира. В большую перемену нам дают завтрак: картофельное пюре, но это только название, на самом деле это простая картошка, сваренная без всего. Но она очень вкусная, а к ней полагается кусочек чёрного хлеба, он тоже очень вкусный. Из дома мы приносим с собой бутылочки-четвертинки с молоком. Коров держат многие, хотя и существуют большие проблемы с кормом. Иногда на завтрак дают свекольное суфле - варёную протёртую свёклу. Но «пюре» гораздо лучше «суфле». В родную школу №5 мы возвращаемся только в сентябре 1944 года и заканчиваем её в победном 1945-м.

1942-1943 годы. Наша Выкса оказывается в прифронтовой полосе. Регулярно над городом поздно вечером и ночью пролетают немецкие самолёты-бомбардировщики. Их цель - Горьковский автозавод и Муромский мост. Иногда они наглейт и пролетают днём по одиночке - скорее всего, разведчики.

Мы с главной моей подружкой Галей играем на улице, слышим гул самолёта, он летит низко, а на крыльях зловещие чёрные кресты. Нам страшно: бежим к дому и прижимаемся к воротам.

Из-за налётов в городе объявлен режим светомаскировки. В домах на окнах плотные шторы: ни один лучик света не должен проникнуть через них. За этим строго следят дежурные - жители по очереди вечером и ночью обходят свой квартал с колотушкой.

Большой зал Дворца культуры им. Лепсе. Он весь заставлен кроватями: это палата выздоравливающих. Наш класс даёт концерт - поём, пляшем, рассказываем стихи. Встречают и провожают нас бурными аплодисментами. Мать одной из моих подруг работает в госпитале - она медсестра. Иногда мы приходим к ней, и она позволяет нам скатывать выстиранные бинты - нас от такого доверия переполняет гордость.

Какое же детство без игр? Но они у нас специфические: мы играем в войну, основываясь на реальных событиях. Знаем названия фронтов, фамилии их командующих - Жуков, Ватутин, Рокоссовский, Конев - и даже номера армий и тех, кто ими командует. Например, я с тех далёких лет помню, что Сталинград обороняла 62-я

армия под командованием В.И. Чуйкова.

Наш штаб находится в бомбоубежище, отрытом на улице. Оно не очень серьёзное - перекрытие всего в один накат, что это такое, нам, конечно, понятно. Я не помню, чтобы во время воздушных тревог там кто-то прятался.

В «немцы» никто идти не хочет, ими приходится быть малышам, иначе мы их в игру не принимаем, а их «начальников» определяем при помощи считалки. «Немецкое войско» в силу этого малочисленное и мы его «громим».

Детство берёт своё, и, навоевавшись, мы играем в прятки, круговую лапту, в 12 палочек, чижика, городки. При игре в городки мальчики проявляют благородство: мы - девочки - бьём с полукона.

У подростков - свои игры. Они бегают на свалки военной техники на плотинах Верхнего и Запасного прудов и приносят оттуда весьма опасные трофеи. Двоюродный брат моей подруги лишился глаза - пытался с приятелем разобрать снаряд. Это не единичный случай.

Парк в годы войны очень чистый: там жители окрестных улиц собирают всё, что можно сжечь. В деревянных сараях делают свои образные «сусеки», куда всё собранное складывается на зиму.

Огороды. Без них в войну прожить было бы невозможно. Кроме огородов около дома, родителям дают участки. У нас их два: один на Антоповском поле - там мы сажаем картошку, морковь, капусту, (сейчас сад «Строитель»), другой – около дороги на 25-е болото (теперь это улица Романова) - там выращиваем просо. Поливом и прополкой занимается подрастающее поколение. После школы, вооружившись вёдрами и лейками, садимся на рабочий поезд Выкса - Досчатое, доезжаем до Антоновского моста (станция «Молотово»), а далее пешком до участка. Воду для полива носим из речки. Выполотую траву с домашнего огорода не выбрасываем: её надо промыть, высушить - это корм для коровы. С домашними огородами связана ещё одна обязанность: надо запасти воду на поливку из уличной колонки. Несмотря на запрет носить полные вёдра, для скорости носим по два полных на коромысле.

Вечер, скорее всего, начало сентября. Мы - мама, отчим и я -

убираем урожай картошки с Антоповского поля. Почти темно, родители относят выкопанную картошку к знакомым в посёлок, я остаюсь одна, на соседних участках никого нет - страшновато. Я раскладываю выкопанную картошку на капустные листья, чтобы удобнее было наполнять мешки. Думаю, что это лето 1943 года - мне 10 лет.

Кроме огородов большим подспорьем служат дары леса. Вместе со взрослыми мы ходим за грибами и ягодами. Одним нам разрешается ходить в лес только до «первого ручейка», который течёт перед северными кладбищами. Тогда на месте теперешних микрорайонов был сплошной лес.

Дома тоже холодно. С дровами проблема - их выдают по ордерам - один кубометр на две недели. За ними надо ехать - зимой на санках, летом на тележке - на дровяной склад около Верхнего завода, а потом распилить и расколоть. Они сырые, разжечь их трудно. У многих дома есть печки-«буржуйки». Вода - из уличных колонок, света нет. Особенно трудно с этим в 1941-1943 годах. Если есть керосин (его тоже продают по специальным талонам), то используются керосиновые лампы, если нет, то зажигают «копилки» - фитили, опущенные в масло. У многих дома висят карты и на них булавками с флажками отмечается линия фронта. Источник информации - сводки Совинформбюро, их читает знаменитый Левитан - диктор Всесоюзного радио. Отмечать линию фронта в 1941-1942 годах - занятие печальное, начиная с 1943 года становится веселее. Радиоприёмников нет: их в первые месяцы войны сдали в милицию, да и до войны они были у очень немногих, у всех дома висят чёрные картонные репродукторы. Газеты выходят регулярно.

Зима 1941-го. Вокруг стола, освещённого керосиновой лампой, сидят мама, моя двоюродная сестра, они шьют кисеты для подарков на фронт. Моя няня - сестра деда, вяжет для этой же цели варежки с двумя пальцами (большой и указательный) для того, чтобы в этих варежках удобнее было стрелять зимой. Тётя вслух читает «Правду». Там напечатана большая статья «Таня» о замученной немцами девушке-партизанке. Статья всех потрясла. Тогда ещё не было известно, что Таня - это Зоя Космодемьянская.

На фронт посылают не только подарки, рабочие подписываются на облигации Государственного займа, иногда это месячный оклад (целиком), семейные ценности сдаются в фонд обороны.

Я очень гордая иду в сберкассу, у меня в руке кошелек с несколькими серебряными полтинниками 1924 года выпуска - мне доверили сдать их в фонд обороны.

И, конечно, все годы войны связаны с ожиданием вестей с фронта: почтальонов ждут с надеждой и страхом. Моя няня - крепкая и бодрая старушка, она даже вяжет без очков, получив похоронки на двух своих сыновей, буквально «сгорела» за неделю.

На продукты питания выдаются карточки: на хлеб, сахар, жиры. Для получения продуктов по ним всех прикрепляют к определённым магазинам по месту работы или жительства. Хлеб давали ежедневно. Норма на работающего - 800 г, на иждивенца - 400 г. Но это не теперешний лёгкий и воздушный хлеб. Военный хлеб - тяжёлый, сырой, в нём, кроме муки, есть добавки, например, картошка. Но всё равно он очень вкусный. Родители получают хлеб в заводском магазине, а я хожу за своим пайком самостоятельно. Очереди большие, чтобы они не нарушались, на руке (ладони) чернильным карандашом пишется номер. Обратная дорога труднее - очень хочется поесть хлебушка. Хорошо, если попадётся зажаренная горбушка, её можно по дороге погрызть. Я до сих пор не могу выбросить даже маленький кусочек недоеденного хлеба.

На сахарные талоны сахар дают не всегда, их могут отоварить паточкой; помню, однажды было выдано паточное варенье из рябины.

Жиры - это чаще всего растительное масло, иногда маргарин, иногда, из американской помощи, лярд - топлёное свиное сало, а иногда даже рыбий жир, который до войны заставляли пить со скандалом. Теперь - лакомство: его надо налить в блюдечко, посолить и макать в него картошку. Нельзя сказать, что мы голодали. Мы хронически недоедали - есть хотелось всегда.

О детях заботились не только родители, но и предприятия, на которых они работали. На ВМЗ для детей работников было организовано дополнительное питание. Выдавались талончики, по кото-

рым на «фабрике-кухне» (сейчас это здание, где находится техническая библиотека) нас кормили обедом: первое, второе, третье и, конечно, хлеб. Видимо, были какие-то возрастные ограничения, больше всего было моих ровесников 10-12 лет. Это было летом 1943 года. Зимой того же года завод организовал ёлку в Рабочем клубе. Ёлка была необыкновенной красоты, под еловыми ветками были «костерочки» с красными лампочками, вокруг каждого сидели зверушки. Нас встречали Дед Мороз и Снегурочка, были игры, а в конце, конечно же, подарки. В них, кроме конфет и печенья, лежало оранжевое чудо - мандарины.

Мы с подружкой решили, что подарки понесём домой, потому что надо поделиться с домашними, но ... мандарин в пакете был один, соблазн велик. Решение после колебаний принято: съесть кожуру и только потом «на загладку» - мякоть. Это была встреча 1944 года. Летом работал заводской пионерлагерь на Курихе.

На самом деле практически не было дома, семьи, которых бы не коснулась война. Я уже писала о своей няне. Воевал в инженерных войсках брат моей мамы. Мама второй раз вышла замуж в конце 1942 года за Аркадия Александровича Капустина. Он заменил мне отца, за что я ему бесконечно благодарна. Семья Капустиных стала для меня родной. Один из его братьев прошёл всю войну, был участником Курской битвы, другой был в Ленинградской блокаде, его беременную жену вывезли через Ладогу. Самый младший со школьной скамьи в 1943 году в неполные 18 лет ушёл в разведшколу, правда, в «диверсантах» отпала необходимость, служил он радистом в авиации.

А папа всю войну «варил» броню, руководил её выпуском на новом мартене. Плавки были длительными, после прокатанный броневой лист проходил испытания на стрельбище. Мы его не видели сутками, у него в кабинете стояла раскладушка.

После Сталинграда, Курской битвы даже мы, дети, почувствовали, что в войне произошёл перелом. Наши войска освободили страну, началось освобождение Европы. Жить стало легче: открыт Второй фронт. Чуть улучшилось снабжение, коптилки отошли в прошлое,

появились тетради, в школе стало теплее. В четвёртый класс в сентябре 1944-го мы пошли учиться в большое здание школы №5 (рядом с Порхачёвским переулком). После взятия Берлина стало ясно, что конец войны совсем близок.

День Победы я хорошо помню. Меня разбудила мама, сказала, что война закончилась, и отправила к тётке на Садовую сказать об этом - вдруг ещё не знает. Утро было тёплое, но ненастное, шёл мелкий дождичек, я почему-то не шла, а бежала, было ощущение полёта, а навстречу шли очень весёлые, улыбающиеся люди. Таким я запомнила 9 мая 1945 года. В этот день мы не учились. А через две недели мне исполнилось 12 лет. День Победы для всего моего поколения совершенно особый, святой праздник, но без слёз обойтись в этот день просто невозможно.

Годы войны для моего поколения были нелёгкими, но нас надо поделить на две части: тех, кто был в тылу, и тех, кто вынес ужас оккупации. Вот по их судьбам война прошла всей тяжестью. Мои друзья - Надежда Ивановна и Вадим Васильевич Евсеевы родом из Великих Лук, города, не единожды переходившего из рук в руки воюющих сторон. Во время оккупации Надя с матерью жили у родственников в деревне, а Вадим в городе, практически полностью разрушенном.

Я хочу привести только один эпизод из его воспоминаний. Школу, где мальчик учился, немцы заняли под казармы, там же оборудовали столовую. Культурные оккупанты во дворе школы оборудовали помойку для пищевых отходов, туда выбрасывали и картофельные очистки. Вадим с другом ночью пробирались туда, а часовые, зная, за чем лезут дети, «развлекались», стреляя поверх их голов. По сравнению с тем, что вынесла эта часть детей, наши тяготы даже назвать так стыдно. Сейчас говорят, что «детям войны» надо дать особые льготы. Но эти предполагаемые льготы должны учитывать и это обстоятельство, т.е. быть адресными.

Одна из проблем нашего времени - сиротство детей при живых родителях. Самое страшное, что это касается не только неблагополучных родителей, но и вполне обеспеченных.

Очень часто можно слышать, что это объясняется занятостью родителей, которым на общение с детьми не хватает времени. Когда я слышу это, мне сразу вспоминается моё военное детство. Я, как и большинство моих ровесников, не была обделена вниманием родителей, несмотря на их фантастическую, по нынешним меркам, занятость. Кроме своей основной работы, каких только побочных профессий они не освоили! Они стали земледельцами, причём, если взять участки, то они буквально поднимали целину вручную, лопатой. Иногда соседи по участку объединялись и пахали эту целину на себе, т.е. сами впрягались в плуг. Этот метод часто применялся и при уборке картошки. Помню, что когда решили посеять просо на участке, то встал вопрос, как это сделать. Объединившись с соседями, пригласили консультанта, знающего старичка, который и провёл «мастер-класс» по посеву. В роли сеятеля выступила моя мама.

Они освоили заготовку дров, т.к. иногда для этой цели работающим отводились делянки, на которых приходилось быть и вальщиком деревьев, и сучкорубом, и пильщиком, и подсобником для очистки поляны.

У нас коровы не было, корову держала тётка, которая выделяла нам молока. Родители освоили заготовку сена, т.е. в отведённом месте косили, сушили и даже ставили стога.

И тем не менее мы не были обделены лаской, вниманием. Родители находили время и проверить выполнение уроков, знали, с кем мы дружили, где гуляем, что читаем. Нам устраивали праздники: ставили ёлки, отмечали дни рождения, на которые приглашали наших друзей, накрывали праздничный стол, и было совершенно неважно, что на нём стояла всё та же картошка. Мои подруги до сих пор вспоминают мамино музыкальное сопровождение праздников - она для нас играла на гитаре до мозолей на пальцах»...

Библиография

Сотникова И. *Детство, отнятое войной // Выксунский рабочий.*
– 2015. - №31(29 апреля). – С. 8,17.

Тенешева Раиса Васильевна

Когда началась война, 22 июня 1941 года, мне исполнилось шесть лет. В то время наша семья жила в переулке Пожарского в Выксе. Уже в октябре папу - Василия Артёмовича Сухарева, забрали на фронт.

А мы впятером (три брата и я с сестрой) остались с мамой. Тяжело было жить. Мама целыми днями работала, разгружала вагоны с зерном, а я присматривала за младшими. Бывало, что мы по двое суток ничего не ели, ждали, когда она вернётся и принесёт хоть что-нибудь. Вскоре в семью пришло большое горе: заболел мой младший братик Вася. А какие в войну лекарства? Даже помочь ему ничем не могли. Он умер, когда ему было всего лишь четыре годика...

Старший брат уже в 10 лет устроился на завод. Роста был маленького и до станка ещё не дотягивался: рабочие подставляли ему ящик, чтобы он мог нормально работать. Напротив Дворца металлургов есть старинное двухэтажное здание, раньше там была сапожная мастерская. Ещё один мой брат, Павел, в 13 лет (уже после войны) был принят туда сапожником, помимо этого выучился языку жестов, так как приходилось работать с глухонемыми. Спустя некоторое время перешёл на более тяжёлую работу в леспромхоз.

В феврале 1942 года узнали, что папа погиб, но до сих пор не знаем, где и как. Куда ни обращались, везде отвечали - пропал без вести. До сих пор пытаемся найти хоть какую-то

информацию, но безрезультатно.

Продукты выдавали тогда по карточкам. Как сейчас помню, пошла за хлебом и обронила их... Представляете мой ужас, целую неделю без хлеба, когда каждый грамм на счету!

Дед у меня был сторожем, смотрел за поросятами. Ночью им привозили старые заплесневевшие галеты, он приносил нам понемногу, а мы очищали их от плесени и ели с большим удовольствием. Тогда это казалось настоящим счастьем.

Училась я в школе №5. Далеко до неё идти было. Это сейчас хорошо: автобусы, машины, а тогда ходили пешком и учились в три смены. Зимой через Верхний пруд, а в остальные времена года — в обход мимо Верхнего завода. При школе был свой огород, и когда поспевал урожай, нас даже иногда кормили картошкой, по чуть-чуть, конечно. Но для нас и это было чудом. Никогда не забуду и то, в каком напряжённом ожидании проводили ночи. Когда все спят – и вдруг рёв, гул, грохот невероятной силы – немецкие самолёты летят бомбить Горький (так раньше назывался Нижний Новгород). Объявляли воздушную тревогу, и мы бежали прятаться. Однажды ночью вновь объявили тревогу. Времени много и все крепко спят после тяжёлого дня. Куда бежать маме с пятью детьми, где каждый мал, мала, меньше?! Мы остались в доме. Мама обняла нас всех и сказала: «Что будет, то будет». Так мы и просидели, ждали, когда всё кончится. Страшно было до жути.

Оставшийся с боёв сражения металл привозили в Выксу и складывали из него целые горы. Должным образом его не проверяли и там оставались боевые снаряды. Мы с ребятами ходили туда, в надежде найти что-нибудь полезное для дома: вещи, еду, если повезёт. Многие из моих друзей и знакомых подорвались там, остались инвалидами или погибли.

Помню, как объявили, что война кончилась. Не передать словами как мы радовались! Все смеялись, обнимали друг друга и плакали. Ведь за эти четыре страшных года столько пришлось пережить! Мы рано повзрослели, потеряли многих

родных и близких, терпели голод и холод - но всё-таки победили той весной сорок пятого!

А уже после войны в магазинах стали давать хлеб. Мы стояли в очереди двое суток, пропустили школу (ничего не поделаешь, есть очень хотелось). И вот, принесли домой хлеб, поставили самовар, и стали пить чай. Коля (мой братик) прибежал из школы, кинул сумку и подбежал к столу. Помню: он сидит, ест, и никак наесться не может. Осталась пара кусочков, и он спрашивает: «Мама, можно ещё взять? Правда-правда?». Вот до чего был удивлён, что хлеба поесть вволю дали!».

Библиография

Васильева А. Войной изломанное детство // Выксунский рабочий. – 2015. – 14 августа. – С. 7.

Тумбаева Роза Ивановна

...Начало войны Роза Ивановна Тумбаева почти не помнит. Было ей тогда лет 10. Помнит только то, что летом 1942 года немцы подошли близко к её родному селу Березовому Воронежской области. Шальным снарядом выбило стёкла в сельсовете, убило колхозную лошадь. Тогда её матери, сельской учительнице, поручили эвакуировать колхозные стада - коров, овец и табун лошадей. Все лето они с двумя доярками, стариком-пастухом и парнем-инвалидом кочевали, прячась от дождя в некоем

подобии цыганской кибитки, выменивая на молоко картошку и хлеб в попадающихся по пути сёлах.

Три цветка памяти

Я отца на фронт не провожала:
Нас судьба-злодейка развела.
И с тех пор обида сердце сжала,
И тоска змеёю заползла.

Написала разбитная краля
Про измену мужа-подлеца,
Мужа у живой жены украла,
У ребёнка увела отца.

Мне достался дар отца бесценный –
Только фотография его.
На пеглицах кубики. Военный.
41-ый. Март. И - ничего...

В сердце горечь, нежность, сожаленье...
Неизвестно, жив он или нет.
Я не знаю день его рождения,
Но никто не даст уже ответ.

Долго мама от меня скрывала,
Почему всё нет и нет его.
Слёзы горькие тайком глотала,
Теребя какое-то письмо.

Как нам не хватало его ласки
И мужского сильного плеча!
Не хотела мама слушать сказки
И рвала все письма сгоряча.

До сих пор отца я вспоминаю,
Всё над фотографией грущу.
Не война б, так встретились, я знаю,
И его я, грешного, прошу.

В День Победы молча к обелиску
Три цветка я памяти несу:
Первый - как во здравие записку,
Два - за упокой ему кладу.

... В октябре стало понятно, что надежды на скорое отступление немцев нет. Приближалось самое страшное время Великой Отечественной войны. Скот сдали в Новохоперске - для военного госпиталя. Земляки воротились в родное село, где их ждали семьи. Партийной учительнице в оккупации не место. На постой их определили в деревню Кочерга, что под Новохоперском, к глухонемому-единоличнику, хозяйственному, но скупому мужику.

Декабрь 42-го

Новохоперск. Деревня Кочерга. Декабрь 42-го года.
Мы беженцы. Не топлена изба. Шумит, люет непогода
Глухонемой хозяин нелюдим, на постояльцев смотрит косо,
Он, мизантроп, живёт один, не терпит никаких вопросов.
Хоть лошадь есть, но он не даст её. В снегу по пояс тащим санки,
С таким трудом добытое тепло - деревья спилены с делянки.
Нам земляки оставили паёк - от голода бесценное лекарство.
Он все продукты спрятал под замок
И деньги выкрал - всё богатство!
По-братски всем делились, чем могли, соседи наши, ленинградцы.
И чудом выжить, помню, помогли, в ковчеге временном спастись.
Новохоперск, деревня Кочерга. Зима 42-го года. Тупик.
Эвакуации пурга. Войны лихая непогода.

...В школу Роза пошла с 6 лет, а не с 8, как тогда было принято: малышку не с кем было оставить дома. Знания ей давались легко, учиться она любила. И в Новохоперске сама пошла проситься, чтобы её взяли в школу. Время было голодное, детям из семей беженцев выдавали маленький кусочек хлеба и 7 граммов шоколада - кругляш размером с горошину черного перца. Шоколад, чтобы не упасть в обморок на уроках, Роза съедала сама, а хлеб относила маме. Новохоперск постоянно бомбили. Во время одной из воздушных тревог на её глазах от осколков погибла красавица-десятиклассница. Рядом с девушкой бежал её пятилетний братишка - тому взрывом снесло голову. Смерть была

повсюду. Госпиталь переполнен тяжело-ранеными, каждый день хоронили по 5-7 человек, а дорога в школу проходила через кладбище...

...Весной получили письмо от маминой сестры из Зубовой Поляны, звала к себе. Добирались месяц. Ехали в переполненных теплушках - вагонах для перевозки скота, - где для удобства, для мягкости подстилали сено. Когда эшелон бомбили, нужно было скатиться по насыпи и затаиться в ближайшем овраге или лесочке. Самолёты летали настолько низко, что можно было рассмотреть лицо фашиста в кабине. Стоящий, бегущий человек становился отличной мишенью.

Грязные, оборванные, голодные добрались они до места. Розочка буквально не отнимала рук от головы. В волосах девочки расплодились крупные, как воробьи, вши. В военные годы в тылу страшнее голода и лишений был только тиф. Тётка, взглянув, сказала: стричь наголо.

...В Зубову Поляну съезжались родственники. В небольшом доме жили 9 человек - представители разных поколений. Бабушка варила на всех еду, дети собирали щавель у реки, таскали воду, начищали деревянные полы, заготавливали сено, обрабатывали огород - 40 соток... Старшие работали, младшие учились. Здесь наша героиня окончила 7-летку и педучилище.

Дети войны

Мы тоже ковали Победу –
Все те, что возрастила война.
Ростками живыми сквозь беды
Проклонулись в жизнь семена.

Кто мы? Комсомольское племя,
И каждый готов был из нас
Нести непосильное бремя,
Исполнить Отчизны приказ

Мы тёплые вещи вязали
Из шерсти, что выдали нам,
Посылки на фронт отправляли
Бойцам - нашим братьям, отцам.

Носки, рукавицы сплетали,
И шлем, тёплый шлем-колпачок.
Любовно кисет вышивали,
Ссыпали туда табачок.

Мы вязкие слюни глотали,
Урезав свой скудный паёк,
И рядом сухарики клали...
Портянки. И мыла кусок.

В деревне без радио, света
(Дорог нет и грязь непролаз)
Везли мы «живую газету» -
Вестей достоверный рассказ.

Ударным трудом малолеток
В заводе, в полях, у станка
Шагами крутых пятилеток
Крепилась наша страна.

В едином порыве сплоченья,
В содружестве юных сердец,
В накале борьбы и терпенья
Ковали Победы венец.

На пьедестале Победы,
Где славы салют и почёт,
Сияет пылавший сквозь беды

И наш комсомольский значок.

...Потом, уже после войны, были педагогический институт, замужество, переезд в Выксу, работа учительницей, развод и воспитание детей, поездка в Прибайкалье (там учителям платили больше) и возвращение в уже ставшую родной Выксу.

Роза Ивановна много путешествовала. У нее две дочери, четверо внуков, три правнука. Не оставляет она и своих давних увлечений: пишет стихи (часть из них вы видите на этой полосе).

Библиография

Огородникова Д. *Её растила война // Провинциальная хроника.* – 2005. - №3(18 янв.). – С. 6.

Шамова Мария

«В конце 30-х годов отца-коммуниста мобилизовали на трудовой фронт. Работал на строительстве оборонительных объектов на аэродроме в Саваслейке. По возвращении его призвали в Красную Армию и направили на Ленинградский фронт. В боях был тяжело ранен и умер 5 апреля 1942 года.

Мама осталась одна с шестью детьми. Старшего брата призвали на фронт. Пропал без вести в 1943 году в боях за Севастополь. Мама всю боль души заглушала работой. Домой приходила поздно вечером, а мы по хозяйству управлялись сами. Старшая сестра, ей было 11 лет, доила корову, а я кормила кур, гусей и прочую живность. Кроме того, я нянчилась с младшими: четырёхлетним братиком и полугодовалой сестрёнкой.

Семья жила за счёт усадьбы в 50 соток и того, что давал лес. Не ленись - голодать не будешь. Уже зимой 1942 года в посёлке появились беженцы: белорусы, украинцы. И жители помогали им чем могли: селили в свои дома, делились едой.

В октябре 1942 года пошла в первый класс, учителями были Михаил Павлович Синадский и его жена Татьяна Фёдоровна, эвакуированные из Минска. Поселились они в школе, колхозники одели их,

помогли с продуктами. Михаил Павлович часто бывал в нашем доме, говорил маме, что я буду учителем, потому что до школы научилась читать. У нас в доме не было книг, но старшая сестра принесла из школы букварь, по которому я и научилась читать в пять лет. Потом мне нравилось летом собирать детей, усаживать на завалинку у своего дома и учить писать буквы прутиком на земле. Это была наша «школа».

Отчётливо помню, как сильно хотелось есть. Ели цветы акаций, листья липы, корешки хвоща (кукошки). Было очень голодно весной 1945 года. А 1946-й - год неурожайный. Помню суп из молодой крапивы без хлеба. Летом в колхозе готовили общественные обеды для всех, кто работал в поле. За миску супа с кусочком хлеба работали целый день: копали землю под грядки, пололи, рыхлили. А когда попевала рожь, жали серпами, комбайнов не было.

Уже с первого класса мечтала стать учительницей. Окончив школу-семилетку, в 1949 году я поступила в Дивеевское педучилище. За что благодарна маме, которая, несмотря ни на что, в лапотках, с котомкой за плечами проводила меня до Дивеева, сказав: «А теперь сама старайся, у тебя всё получится». Что ещё запомнилось из детства? День Победы! Об этом мы узнали 9 мая 1945 года.

На улице был установлен радиорепродуктор - чёрная тарелка. Утром 9 мая диктор объявил об окончании войны. Люди выбегали из домов, женщины плакали, обнимая друг друга. Ребята кричали что есть мочи: «Ура! Победа!». А днём был колхозный общий обед с хлебом и солью. На улице расставили столы, лавки. Люди несли всё, что имели съестного: огурцы, капусту, ягоды, грибы, хлеб. Это был великий праздник великой страны...

Библиография

Липатова Е. Мы сполна ощутили её злое дыхание // Выксунский рабочий. – 2017. - №45(17 нояб.). – С. 11.

Алфавитный указатель

- Абдулхакова К. - 52
Агеев Е. С. – 4
Александрова Н. - 39
Алексеева Л. - 27
Балдина В. В. – 5,8
Безрукова Р. – 7
Борисов А. В. – 9
Брюнчугина З. Н. - 44
Бубнова А. – 7
Бурмистрова Л. И. – 11,15
Васильева А. - 63
Вилков Н. – 20
Виль В. – 37
Ворожеинова М. И. – 42
Вышатиная Л. - 43
Гусев И. П. - 42
Денисов В. В. – 15
Денисов В. Е. – 15
Денисова Н. И. - 15
Дренин В. М. – 19
Евсеев В. В. – 59
Евсеева Н. И. - 59
Затолокин Н. И. – 23
Затолокина О. П. - 22
Зотов В. – 7
Капустин А. А. - 58
Козоедова Л. – 37,48
Колтенкова И. И. – 23
Колянова Н. И. – 25
Кудасова В. И. – 26
Кудрявцева В. Д. - 28
Кузнецова Л. Н. – 30
Кузьмина Р. С. – 33

Куницына Т. - 24
Куплинова Е. И. – 37
Ладугин И. А. - 42
Лепилов А. - 42
Липатова Е. И. – 15,19,30,32,45,71
Макаров Д. – 21
Макракова Т. – 38
Мельникова Е. И. - 39
Мичурина Д. – 37
Мольков А. Ф. - 40
Некрасова Н. – 24,26
Огородникова Д. – 69
Орлова-Личнова Т. - 43
Пантелеев И. – 42
Пантелеева А. Ф. - 42
Пискарев Г. - 41
Пчелян И. – 21
Рукавишникова К. И. – 46
Рудакова Е. П. - 29
Сёмин В. А. - 48
Симонова А. Н. - 42
Снегирева Н. – 15
Сотникова И. С. - 52
Суслов Н. - 42
Татарских К. Д. – 18
Тенешева Р. В. - 61
Титкова Т. – 44
Тумбаева Р. И. - 63
Уткина Е. Ф. - 42
Ухлина Н. Е. – 31
Шамова М. - 68
Щенникова Л. Д. – 15,30

Содержание

От составителя.....	3
Агеев Евгений Сергеевич.....	4
Балдина Валентина Васильевна.....	5
Борисов Алексей Васильевич.....	9
Бурмистрова Лилия Ильинична.....	11
Денисов Виктор Васильевич.....	15
Дренин Виктор Михайлович.....	19
Затолокина Ольга Павловна.....	22
Колтенкова Ираида Ивановна.....	23
Колянова Наталья Ивановна.....	25
Кудасова Вера Ивановна.....	26
Кудрявцева Валентина Дмитриевна.....	28
Кузнецова Людмила Николаевна.....	30
Кузьмина Раиса Станиславовна.....	33
Куплинова Евдокия Ивановна.....	37
Мельникова Евгения Яковлевна.....	38
Мольков Анатолий Фёдорович.....	40
Орлова-Личнова Тамара.....	43
Рукавишникова Клавдия Ивановна.....	46
Сёмин Василий Акимович.....	48
Сотникова Ирина Сергеевна.....	52
Тенешева Раиса Васильевна.....	61
Тумбаева Роза Ивановна.....	63
Шамова Мария.....	68
Алфавитный указатель.....	71

«Война вошла в мальчишество моё...»

Справочно-библиографическое пособие

Составитель,
компьютерный набор и вёрстка
Л. Д. Щенникова

Отв. за выпуск О. Н. Громова

МБУК «ЦБС городского округа город Выкса»
Городская библиотека «Отчий край»
607065, Нижегородская обл.,
г. Выкса, м-он Гоголя, д.50,
тел.: 8(83177) 3-50-69, 3-26-25
e-mail: otchukray@mail.ru
сайт библиотеки: bibliokray.ru